

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ШКОЛА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник студенческих работ

Восточная перспектива

Выпуск 2

Москва, 2017

УДК 082.1
ББК 94
Д 29

Редколлегия:
Коростелева М.О. (ответственный секретарь),
Ким Н.Н., Новикова А.А., Чупрыгин А.В.,
Карпов М.В., Юркевич А.Г.

Д 29 **Сборник** студенческих работ «Восточная перспектива». Вы-
пуск 2. — М.: ООО «Адвансед солюшнз», 2017. — 118 с.

ISBN 978-5-906722-67-6

В данном выпуске представлены статьи лауреатов II и III научных конференций «Восточная перспектива», которые состоялись в Москве на базе Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Тематика статей затрагивает широкий круг вопросов, связанных с развитием Японии, Китая, государств Корейского полуострова и арабских стран, в том числе в области истории, философии, политических институтов, этнических и этно-политических процессов, экономики, социально-экономического развития, международных отношений.

ISBN 978-5-906722-67-6

УДК 082.1
ББК 94

ISBN 978-5-906722-67-6

© Школа востоковедения
НИУ «Высшая школа экономики», 2017.
© ООО «Адвансед солюшнз», 2017.

Содержание

ИСТОРИЯ

- Коллин И.С.* Проблемы формирования и интеграции китайской общины в Индонезии со Средних веков до нашего времени 4
- Арачева М.В.* Становление системы высшего образования в Корее в период деятельности Американской военной администрации в отечественной и зарубежной историографии 19

КУЛЬТУРА

- Беляева А.В.* Современная социальная реклама КНР: особенности становления и развития 32
- Прокофьева В.А.* Социокультурные ценности современных южных корейцев (на основании социологических опросов) 39
- Марова П.А.* Хикикомори как болезнь современной японской молодежи. Причины, проявления, последствия, проблемы реабилитации 48
- Кацнельсон Г.С.* Мужчина и женщина: от Лелуша до Куросавы 62

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- Хохлова А.А.* Роль Партии справедливости и развития в событиях «арабской весны» в Марокко 69
- Ткаченко Е.А.* Меры поддержки продовольственной продукции префектуры Фукусима и их эффективность . . . 79

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Потаева А.Д.* Сотрудничество КНР со странами Центральной Азии в сфере образования как способ достижения национальных интересов Китая (на примере Кыргызской Республики и Республики Казахстан) 88
- Пинягина Н.А.* Роль политических лидеров во внешнеполитических отношениях Японии с РК и КНДР на рубеже XX—XXI вв. 100

Колнин И.С.

Проблемы формирования и интеграции китайской общины в Индонезии со Средних веков до нашего времени

Аннотация

По разным оценкам, в Индонезии сейчас проживает от 7 до 10 миллионов этнических китайцев. Они играют огромную роль в экономике, активно участвуют в политической жизни страны. История китайского меньшинства в Индонезии насчитывает по меньшей мере шесть веков. В статье представлены результаты анализа истории формирования и развития китайской диаспоры, её нынешнего положения и проблем, с которыми сталкивалось и сталкивается китайское меньшинство. Был проведён краткий опрос среди индонезийцев, обучающихся в Москве, и граждан КНР. Его результаты отражены в заключительной части статьи.

Ключевые слова: *Индонезия, зарубежные китайцы, китайская диаспора, национальное меньшинство, дискриминация.*

Существуют различные оценки того, когда появились первые китайские поселения на индонезийском архипелаге. Вероятнее всего, первоначально это были стоянки китайских пиратов и торговцев, выходцев из южных провинций Китая. В записках Ма Хуаня* «Ин яй шэн лань» («Полный обзор океанских берегов») говорится, что во время первой экспедиции Чжэн Хэ (1405—1407) был пойман и доставлен в Китай Чэнь Цзу-и, глава пиратов, терроризировавших окрестности Палембанга¹. Это даёт основания полагать, что пиратские и торговые форпосты китайцев в Индонезии существовали

---

* переводчик, участвовавший в экспедициях Чжэн Хэ.

уже как минимум в XIV в. Индонезиевед Мовчанюк П.М., занимавшийся изучением китайской диаспоры в Индонезии, относил основание торговых факторий китайскими купцами к периоду X—XIII вв.² Вполне возможно, что часть китайских поселенцев проникла в Индонезию в ходе похода Хубилая на Яву в конце XIII в. Таким образом, ещё до плаваний Чжэн Хэ существовали небольшие торговые поселения китайцев как минимум на Яве и Суматре. Они выполняли функцию стоянок для флота и связующих торговых точек. Однако их нельзя назвать стабильными: большинство проживавших в них людей приезжали лишь с целью заработать и в скором времени покидали поселения.

Именно экспедиции Чжэн Хэ дали толчок к формированию консолидированных китайских поселений. Были налажены торговые и дипломатические связи с государствами индонезийского архипелага, а также минимизирована угроза пиратства, что привлекло новых купцов и торговцев из провинций Фуцзянь и Гуандун (хоккьенцы, теочеу, кантонцы, хакка). Хоккьенцы составляли наибольшую часть иммигрировавших, именно поэтому заимствования в индонезийском языке взяты преимущественно из их диалекта. В первых китайских школах в Индонезии преподавание также велось на миннаньском (амойском) диалекте. Часть команды Чжэн Хэ (преимущественно выходцы из провинции Юньнань) обосновалась на островах, а в дальнейшем они сыграли немаловажную роль в распространении ислама среди индонезийцев³. Таким образом, ещё на стадии формирования поселений существовала сильная этническая и клановая неоднородность.

На этом этапе взаимоотношения китайцев и индонезийцев складывались весьма благоприятно: китайцы уже тогда фактически монополизировали внешнюю торговлю Индонезии с другими странами ЮВА и Дальнего Востока, соответственно индонезийцы стали нуждаться в них. Коренное население это вполне устраивало. До этого внешняя торговля на островах развивалась благодаря усилиям арабских купцов. Распространены были браки китайцев и индонезианок (это обусловлено тем, что мигрировали в по-

давляющем большинстве мужчины), причём дети от таких браков воспитывались в китайской традиции и культуре. В индонезийском языке дети от смешанных браков именуется «перанакан»* (peranakan[&]). Чистокровные китайцы, проживающие в Индонезии, называются «тоток» или «сингкех» (totok[&]; singkeh[&]; транскрипция с китайского 新客 xīnké, дословно — «новый гость»).

Ситуация изменилась с приходом европейских колонизаторов в XVI в. Китайцам была отведена роль посредников между коренным населением и европейцами. Португальцам, а позже голландцам была необходима помощь китайцев: они не знали ни языка, ни особенностей культуры индонезийцев, плохо представляли себе внутреннее социально-экономическое устройство. Окончательно этот уклад оформился при голландцах в середине XIX века.

При голландцах был создан институт «китайских офицеров» (или «китайских капитанов»). Среди перанакан выбирался старейшина, пользующийся авторитетом как в своей общине, так и среди колонизаторов. Он должен был следить за порядком и докладывать о всех случаях непослушания. При этом он получал привилегии от колониального управления, которые зачастую использовал для улучшения положения в том числе и своего поселения⁴.

Голландцы стремились к упорядочиванию и унификации китайцев. Был создан ряд законов, направленных на ограничение перемещения китайцев между островами. Создавались и улучшались торговые условия в портовых городах с целью привлечь китайцев компактно селиться в чайнатаунах (к чему их в итоге обязали). Именно благодаря такой политике голландцев получила развитие Батавия (нынешняя Джакарта, столица Индонезии). Однако условия жизни в таких кварталах были весьма тяжёлыми⁵.

---

* Здесь и далее приведены транскрипции названий китайских организаций с миннаньского (амойского) диалекта (будут обозначаться [^]), так называемая «почтовая транскрипция» (郵政式拼音) (будет обозначаться [#]), а также индонезийские названия (будут обозначаться [&]), которые закрепились в отечественной и зарубежной историографии. Названия организаций на русском — дословный перевод.

В 1865 году китайцы и индийцы в правовом отношении были отнесены голландцами в группу «иностранцы Востока», в то время как индонезийцы были включены в группу «туземцы». Китайцы и индонезийцы несли равную уголовную ответственность, однако гражданские права китайцев соответствовали правам европейцев (были шире, чем у местного населения)⁶.

В частности, китайцам было запрещено приобретать землю, однако они могли свободно её арендовать. Происходила эксплуатация как индонезийского населения, так и своих же китайских соотечественников — «кули» (бесправные рабочие, которых европейские колонизаторы вывозили из Китая с целью использования в качестве дешёвой рабочей силы). Так постепенно кули заселяли места, в которых ранее китайцев не было, и осваивали новые профессии. Также огромный размах приобретает ростовщичество⁷.

Именно произвол зажиточных китайцев стал одним из катализаторов нарастания антикитайских, антиголландских и освободительных настроений индонезийцев, а также подтолкнул бесправную часть китайцев к сплочению по этническому и клановому признакам и созданию тайных обществ.

Пик таких настроений пришёлся на начало XX века. Революционные идеи продвигали новоприбывшие рабочие толок из Китая, вдохновлённые деятельностью Сунь Ятсена, а также небольшая часть перанакан. Преимущественно эта прослойка создавала организации с разнообразными политическими целями и взглядами (в том числе просветительские). В 1900 году было образовано «Китайское землячество» (Tiong Hoa Hwee Koan\; 中华会馆) с целью объединения различных этнических групп китайцев и открытия частных школ для китайцев по современному образцу. В 1907 году в Семаранге появляется первая «Китайская торговая палата» (Tiong Hoa Siang Hwee\; 中华商会), в 1908 году — в Батавии, а в 1909 — в Сурабае. В 1909 году также формируются первые «Книжные общества» (Soe Po Sia\; 书报社). Впоследствии читальни расширили свою сферу деятельности и тоже начали заниматься революционной пропагандой, в том числе издавая газеты на малайском и китайском языках в крупных

городах Индонезии. Все эти организации были тесно связаны и взаимодействовали между собой⁸.

Также важным фактором объединения служила общая нелюбовь как большинства этнических перанакан, так и то-ток, к маньчжурской династии Цин.

Однако часть консервативных и зажиточных перанакан вполне устраивало их нынешнее положение, они не стремились к борьбе за расширение своих прав. Стоит выделить противостояние двух основных групп: активно поддерживающая национально-освободительное движение «Партия индонезийских китайцев» (Partai Tionghoa Indonesia[&]; 中华党) и проголландская «Китайская ассоциация» (Chung Hwa Hui[#]; 中华会)⁹.

Тем не менее китайцы преимущественно боролись за свои права и не ставили целью достижение Индонезией независимости (лишь небольшая часть из них поддерживала это стремление индонезийского народа). Но даже те из них, кто пытался взаимодействовать с индонезийским национально-освободительным движением, не имели успеха. Этнические китайцы не могли быть членами «Национальной партии Индонезии» (Partai Nasional Indonesia[&]). «Исламский торговый союз» (Sarekat Dagang Islam[&]; позже переименован в «Исламский союз»; Sarekat Islam[&]) первоначально был создан как торговая организация с целью борьбы с китайскими конкурентами, однако впоследствии он перерос в националистическую мусульманскую организацию¹⁰.

В итоге китайцам удалось добиться смягчения законов относительно них: было разрешено свободное передвижение, отменены полевые суды. В 1911 году в Батавии было учреждено китайское консульство¹¹.

Таким образом, голландская оккупация Индонезии способствовала дальнейшему усилению конкуренции и напряжённости в отношениях между китайским меньшинством и коренным населением.

С оккупацией архипелага японской армией в 1942 году положение дел резко изменилось. Японцы активно занимались пропагандой среди индонезийского населения, обещая

им свободу как истинным хозяевам островов. Голландцы выставлялись эксплуататорами и узурпаторами¹².

Японцы в своей политике отводили немаловажное значение и китайцам. В первую очередь они осознавали, что китайский капитал играет огромную роль в экономике Индонезии. Именно поэтому их нельзя было просто посадить в тюрьмы и концентрационные лагеря, что японцы сделали с не успевшими эвакуироваться голландцами. Японцы требовали беспрекословного повиновения со стороны китайцев, закрыли голландские школы, запретили обучаться в индонезийских, запретили китайские организации. Положение китайцев при японцах изменилось не слишком сильно, они по-прежнему оставались в более привилегированном положении по сравнению с индонезийцами (это было продиктовано контролем китайцев над экономической ситуацией в регионе, с ними необходимо было считаться)¹³. В лагеря, тюрьмы попадал «расходный материал»: бедные китайцы, которые были слишком стары или просто физически не могли выполнять тяжёлую работу.

Оккупанты жестоко использовали труд как китайцев, так и индонезийцев. В некоторых городах начался голод, так как почти вся провизия уходила на нужды японской армии. Постепенно оптимистичные настроения индонезийцев в связи с приходом японцев сменяются на открытое недовольство и враждебность, что дало новый толчок в развитии индонезийского национализма. На его формирование и развитие повлияли и голландцы, и японцы, и этнические китайцы. Поражение Японии в 1945 году привело к оккупации островов британской армией. Индонезийцы боялись вновь оказаться под чьим-то протекторатом. Именно национализм, желание освободиться из-под чьего-либо управления стали причиной столкновения британских сил с народным ополчением. Вскоре после окончания войны британцы покинули Индонезию.

Однако голландцы пытались вернуть контроль над своей бывшей колонией вплоть до 1949 года. Они встретили резкое сопротивление со стороны как индонезийского правительства, так и мирных жителей. Фигура президента Сукар-

но, создателя «Национальной партии Индонезии» и лидера антиголландского движения в 1920—1930 годах, стала символом борьбы против европейских оккупантов.

Именно в 1945—1949 годах были предприняты первые действия независимого индонезийского правительства по вопросу урегулирования положения китайской диаспоры. В 1946 году в городе Джокьякарта прошла конференция по китайскому вопросу. В ней приняло участие множество видных политических деятелей Индонезии, в том числе вице-президент Мохаммад Хатта. По большей части результаты договорённостей носили рекомендательный характер, однако некоторые важные вопросы всё же были решены: была достигнута договорённость о формальной поддержке китайцами национально-освободительного движения. Индонезийское правительство обязалось предпринять активные действия против погромов китайских кварталов (экономическая власть китайцев и отсутствие активного участия в индонезийской национальной борьбе подталкивали коренное население на такие акты протеста). Также была официально признана «Центральная организация китайцев»* (Chung Hua Tsung Hui[#]; 中华总会). Её функция осталась прежней: объединение этнических китайцев и взаимопомощь¹⁴. Именно в этот период, когда китайцы фактически остались без покровительства голландских или японских интервентов, им было необходимо сплотиться несмотря на этническую разобщённость и противоречия.

В том же году были сделаны первые шаги к решению вопроса о гражданстве. Так, всем этническим китайцам автоматически присуждалось индонезийское гражданство, от которого они имели право отказаться в пользу китайского¹⁵. Однако ситуация с двойным гражданством фактически сохранялась до 1960 года.

При этом беспорядки в китайских кварталах продолжались вплоть до 1949 года. В это время помимо «Централь-

---

* Бывшая «Федерация зарубежных китайцев» (Hua Chiao Tsung Hui[#]; 华侨总会), создана японскими силами во время японской оккупации с целью структуризации и объединения китайцев, переименована в конце 1945 года.

ной организации китайцев» создаётся также «Отряд защиты спокойствия» (Pao An Tui[#]; 保安队) с аналогичной целью. Сотрудничество организации с британцами и голландцами также вызывало массу недовольства и подозрений среди индонезийцев, что провоцировало новые столкновения¹⁶.

Все вышеописанные противоречия между коренным населением и китайским меньшинством, а также нежелание интегрироваться в индонезийское общество даже после договорённостей 1946 года, заставили правительство Сукарно пойти на более жёсткие меры.

Не имела большого успеха и созданная китайцами в 1948 г. организация с целью помощи в интеграции в индонезийское общество — «Союз индонезийских китайцев»* (Persatuan Tionghoa[&]; 中华协会).

С целью принятия этническими китайцами и другими национальными меньшинствами индонезийского гражданства в Конституции 1945 года был введён ряд ограничительных мер, фактически отстраняющий неграждан Индонезии от участия в политической жизни страны. В первой половине 1950-х годов был принят ряд законов, ограничивающих китайский капитал: был запрещён перевод денег в Китай, происходила материальная поддержка исключительно национальных импортных фирм, проводилась частичная национализация промышленности¹⁷. Однако такая политика имела лишь частичный успех: из-за отсутствия у большинства индонезийцев опыта управления предприятиями многие из них предпочитали продать бизнес этническим китайцам. Появились так называемые «фирмы Али-Баба» (Ali-Baba ventures), которыми владело подставное индонезийское лицо, а на самом деле управление и финансы полностью находились в руках китайцев. Аналогичная система

---

* С 1950 года — «Демократическая партия индонезийских китайцев» (Partai Demokrat Tionghoa Indonesia[&]; 中华民主党); расформирована в 1954 году в связи с образованием «Консультативного органа по вопросам индонезийского гражданства» или просто «БАПЕРКИ» (Badan Permusjawaratan Kewarganegaraan Indonesia[&]; 国籍协商会); существовал вплоть до 1965 года, был запрещён президентом Сухарто после попытки государственного переворота.

существовала и в Малайзии, она подробно описана в работах С.Н. Гончаренко¹⁸.

Таким образом, в период 1949—1965 годов положение китайцев было весьма неоднозначным. С одной стороны, правительство Индонезии стремилось поддерживать дружественные отношения с Китаем, установив дипломатические отношения в 1950 году. Однако серьёзных действий для предотвращения антикитайской политики со стороны Китая не предпринималось. Китайцы были предоставлены сами себе. Именно это послужило ключевым фактором межэтнического сплочения.

Есть сведения, что часть индонезийских китайцев материально поддерживала «Коммунистическую партию Индонезии» (Partai Komunis Indonesia[&]), а также некоторых офицеров и политических деятелей (с помощью взяток), чтобы гарантировать свою безопасность¹⁹.

Ситуация усугубилась после неудачной попытки государственного переворота в 1965 году. Было убито шесть генералов, а Сукарно был арестован. Восстание удалось в скором времени подавить под командованием Сухарто (военный деятель, президент Индонезии 1968—1998 г.). Фактически это было началом нового диктаторского режима с ним во главе.

Правительство обвинило в попытке переворота Коммунистическую партию Индонезии. До сих пор архивные документы, связанные с государственным переворотом, не опубликованы, правительство активно препятствует расследованию этих событий. Существует множество различных версий реальных причин и участников несостоявшегося переворота. Так или иначе, версия про непосредственную организацию и попытку проведения переворота Коммунистической партией Индонезии кажется наименее состоятельной. А так как партию материально поддерживали КНР и часть китайской общины, антикитайская политика получила дальнейшее развитие и достигла своего пика. Дипломатические отношения с КНР были разорваны и восстановлены лишь в 1990 году.

В 1965—1966 годах происходили массовые убийства коммунистов и якобы сочувствующих им лиц китайского про-

исхождения. Всего по зарубежным оценкам погибло более 500000 человек. Индонезийцам на протяжении более чем 30 лет со школьной скамьи на уровне массового сознания внушалось, что участники тех событий — национальные герои, а коммунисты и китайцы — главные враги индонезийского народа. Фильм «Акт убийства» (Jagal[&]; The Act of Killing) вышедший в 2012 году и повествующий о событиях 1965—1966 годов, был неоднозначно принят индонезийцам²⁰, а также стал предметом активных дискуссий в Интернете и СМИ в Китае, особенно после его выдвижения на премию «Оскар»²¹. Также общественный резонанс вызвал отказ нынешнего президента Индонезии Джоко Видодо извиниться перед жертвами резни 1965—1966 годов спустя 50 лет после тех событий²².

Фактически террор против китайцев продолжался вплоть до 1998—1999 годов. Были закрыты китайские школы и храмы, запрещены вывески на китайском языке (никто не должен был видеть китайское иероглифическое письмо) и все китайские организации и общества. Происходила насильственная замена китайских имён на индонезийские (постановление президиума кабинета № 127 от 1966 года). Так, к 1969 году в Медане, Сурабае, Семаранге, Понтианаке и Южной Суматре суммарно свои имена меняли 153974 этнических китайцев из 291299 (более 50%)²³. На протяжении всего периода китайские кварталы подвергались погромам.

При этом экономической элитой продолжали оставаться зажиточные китайцы, которых называли «чуконги» (cukong[\]; 主公). Сухарто понимал, что без китайцев экономика Индонезии развалится. Среди его друзей и знакомых, а также друзей других влиятельных индонезийских политических лидеров, зачастую были этнические китайцы, такие как Лим Сиу Лионг (Судоно Салим). Преимущественно это был семейный и клановый бизнес. Постепенно таким предпринимателям удалось монополизировать некоторые важные хозяйственные отрасли (например, первые фирмы Судоно Салима монополизировали импорт гвоздики, производство и поставки пшеничной муки)²⁴.

К 1998 году не были решены многие политические и экономические проблемы, не было предпринято серьёзных попыток вытеснения китайского капитала. В итоге всё вышперечисленное обернулось массовыми демонстрациями и требованием отставки президента. Сухарто был вынужден покинуть свой пост.

Тем не менее, главной жертвой произвола опять оказались китайцы. Преимущественно это были семьи, державшие небольшие магазинчики и лавки. С 1996 по 1999 год происходили постоянные набеги на китайские поселения. Это повлекло за собой огромный отток из страны как китайцев, так и китайского капитала. Только за май 1998 года в Сингапур из Индонезии выехало 121345 человек, почти в два раза больше, чем в апреле того же года²⁵. Вывезенный из страны капитал измеряется несколькими десятками миллиардов долларов.

Преемнику Сухарто, Хабиби, необходимо было вернуть китайские финансы и стабилизировать положение в стране. Началась постепенная демократизация и либерализация. Именно Хабиби в 1998—1999 годах сделал первые шаги к улучшению положения китайского меньшинства. Были вновь открыты китайские школы и храмы, возвращены китайские знаки и таблички, восстановлены организации и объединения.

Следующий президент Индонезии, Абруррахман Вахид (1999—2001), снял ограничение на празднования китайцами их праздников, а также вновь было разрешено использовать китайские имена.

Сукарнопутри в 2004 году ввела официальное празднование Китайского Нового года²⁶.

Президент Юдойоно в 2006 году подтвердил статус конфуцианства как одной из шести официальных религий Индонезии*²⁷. В 2014 году Юдойоно подписал «Президентский

---

* Остальные пять религий: ислам, индуизм, буддизм, католицизм, протестантизм. Эти шесть религий были официально провозглашены при Сукарно, однако в 1979 году (собрание в министерстве по этому вопросу было в 1978 году) Сухарто исключил из перечня конфуцианство. В 2000 году президент Вахид отменил постановление 1979 года.

указ № 12» об использовании термина «Tiongkok» вместо «Cina» в отношении страны (Китая) и использовании термина «Tionghoa» в отношении нации, языка и культуры. Это было связано с тем, что во время режима Сухарто термин «Cina» считался уничижительным и использовался как дискриминационный. Термины «Tionghoa» и «Tiongkok» имеют длинную историю. Первоначально это транскрипции слов 中华 (этнический китаец) и 中国 (Китай) в миннаньском (амойском) диалекте. Термины устоялись в индонезийском языке и сейчас используются повсеместно. Хотя для нынешнего поколения этнических китайцев приоритет использования термина «Tionghoa», «Tiongkok» или «Cina» уже не играет существенной роли²⁸.

Таким образом, индонезийское правительство смирилось с главенствующей ролью китайцев в экономике и с начала XXI века создаёт благоприятные условия для дальнейшего развития китайско-индонезийских отношений.

Однако существует ряд проблем, которые вряд ли будут решены в скором времени.

Во-первых, продолжает сохраняться неоднородность китайской общины в материальном, религиозном (в частности во время голландского колониального режима многие этнические китайцы в Индонезии стали исповедовать христианство, обучаясь в голландских школах), этническом, языковом и других аспектах.

Во-вторых, в ходе опроса индонезийцев, обучающихся в Москве, для понимания положения китайского меньшинства в современном массовом сознании было выявлено, что отношение к китайцам среди опрошенных в подавляющем большинстве хуже, чем к японцам и голландцам. Негативный образ этнических китайцев начал формироваться во времена колониального господства, а режим Сухарто ещё сильнее закрепил его в восприятии индонезийцев.

Среди опрошенных пятнадцати граждан КНР (возраст 18—45 лет, жители городов) все 100% в курсе массовых убийств 1965—1966 и 1996—1999 годов.

При этом некоторые китайцы старшего поколения, проживающие в Индонезии, негативно относятся к КПК ввиду

того, что их предки бежали в Индонезию из-за террора против сотрудничавших с Гоминьданом, к которым они относились. Также весьма важным фактором такого отношения является отсутствие защиты и помощи от Китая во время правления Сухарто.

Таким образом, историческая память обоих народов весьма сильна и прямым образом влияет на современное восприятие ими друг друга. Положение этнических китайцев продолжает оставаться весьма неоднозначным. В индонезийском массовом сознании сохраняется предвзятое и недоверчивое отношение к китайцам. Нынешний мэр Джакарты, этнический китаец-протестант Басуки Чахая Пурнама (Ахок), часто подвергается критике и нападкам со стороны радикальных мусульманских и националистических организаций²⁹. Всё вышеперечисленное определяет сложности интеграции китайской общины в индонезийское общество на современном этапе.

---

¹ Ma Huan. Ying-yai Sheng-lan. The Overall Survey of the Ocean's Shores [1433]. Translated and edited by J.V.G. Mills. — Cambridge University Press for the Hakluyt society, 1970. — P. 46.

² Мовчанюк П.М. Этапы эволюции и роль китайской общины в экономике Индонезии (X—XIX вв.) // Общество и государство в Китае. — 1976. — Вып. 6. — Часть 1. С. 180—181.

³ Его же. Хроника из китайского храма в городе Семаранге о китайцах в Индонезии в XV—первой половине XVI в. // Историко-география и источниковедение истории стран Азии и Африки. — 1974. — № 3. С. 172—175.

⁴ Lynn Pan. The Encyclopedia of the Chinese Overseas. — Cambridge: Harvard University Press, 1999. — P. 155.

⁵ Мовчанюк П.М. Этническая интеграция китайцев в Индонезии (1917—1942 гг.) // Страны и народы Востока. Страны и народы бассейна Тихого океана. — 2002. Вып. 31. Книга 6. Памяти П.М. Мовчанюка. С. 30.

⁶ Его же. Китайское меньшинство в независимой Индонезии: проблемы и тенденции эволюции (1945—1980). Часть I: Китайское меньшинство в общественных структурах Индонезии. — М.: Наука, 1984. — С. 31.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Тюнь Г.Т. О характере общественно-политического движения хуацяо в колониальной Индонезии (1900—1914 гг.) // Общество и государство в Китае. — 1985. — Вып. 16. — Часть 2. С. 182—185.

⁹ Leo Suryadinata. *Ethnic Chinese in Contemporary Indonesia*. — Singapore: ISEAS Publications, 2008. — P. 98.

¹⁰ Мовчанюк П.М. Китайское меньшинство в независимой Индонезии... — С. 31.

¹¹ Тюнь Г.Т. Первые просветительские организации в китайской общине колониальной Индонезии (1900—1914 гг.) // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. — 1983. — № 14. — Вып. 3. С. 106.

¹² Stuart Pearson. *Bittersweet: The Memoir of a Chinese Indonesian Family in the Twentieth Century*. — Athens: Ohio University Press, 2008. — P. 76—77.

¹³ Paul H. Kratoska. *Southeast Asian Minorities in the Wartime Japanese Empire*. — New York: RoutledgeCurzon, 2002. — P. 58—59.

¹⁴ Мовчанюк П.М. Конференция 1946 г. в Джокьякарте по «китайскому вопросу» в Индонезии // Проблемы истории и историографии международных отношений в XIX—XX вв. 1979. — С. 34—40.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Anne van der Veer. *The Pao An Tui in Medan: A Chinese Security Force in Dutch Occupied Indonesia, 1945—1948*. Master Thesis. Research Master Programme Modern History. — Utrecht University, 2013. — P. 3, 30.

¹⁷ Мовчанюк П.М. Китайское меньшинство в независимой Индонезии... — С. 104, 106.

¹⁸ Гончаренко С.Н. Эволюция политического самосознания китайской общины Малайзии в период независимого существования страны // Востоковедение и мировая культура. — М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 384—385.

¹⁹ Leo Suryadinata. *‘Overseas Chinese’ in Southeast Asia and China’s Foreign Policy: An Interpretive Essay*. — Singapore: ISEAS Publications, 1978. — P. 8—9.

²⁰ Joe Cochrane. ‘Act of Killing’ Film Fails to Stir Indonesia. URL: http://www.nytimes.com/2014/03/02/world/asia/act-of-killing-film-fails-to-stir-indonesia.html?_r=1 (дата обращения: 28.06.2016).

²¹ 印尼屠华纪录片《杀戮演绎 The Act of Killing》(Документальный фильм «The Act of Killing» об убийствах индонезийцами этнических китайцев). URL: <http://lt.cjdbby.net/archiver/t-1776310-1-%E5%8D%B0%E5%B0%BC%E5%B1%A0%E5%8D%8E%E7%BA%AA%E5%BD%95%E7%89%87%E3%80%8A%E6%9D%80%E6%88%AE%E6%BC>

[%94%E7%BB%8E%20The%20Act%20of%20Killing%E3%80%8B.html](#) (дата обращения: 28.06.2016).

²² Laksmi Pamuntjak. It is 50 years since the Indonesian massacre of 1965 but we cannot look away. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/sep/30/it-is-50-years-since-the-indonesian-genocide-of-1965-but-we-cannot-look-away> (дата обращения: 29.06.2016).

²³ Мовчанюк П.М. Китайское меньшинство в независимой Индонезии... — С. 129—130.

²⁴ Орлова М.В. Роль китайской общины в независимой Индонезии // Вопросы истории, историографии, экономики, языкознания и литературы (сборник аспирантских статей). Институт востоковедения РАН. — М.: МАКС Пресс, 2007. С. 209—211.

²⁵ Jemma Purdey. Anti-Chinese Violence in Indonesia, 1996—1999. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. — P. 171.

²⁶ Ian Storey. Southeast Asia and the Rise of China: The Search for Security. — Routledge, 2011. — P. 201.

²⁷ Aris Ananta, Evi Nurvidya Arifin, M. Sairi Hasbullah, Nur Budi Handayani, Agus Pramono. Demography of Indonesia's Ethnicity. — Singapore: ISEAS Publishing, 2015. — P. 296.

²⁸ Ong Mia Farao Karsono. Chronology of the usage of the terms «tjonghoa» — «cina» — «tjonghoa» for Indonesian Chinese. Chinese Department of Petra Christian University (Indonesia), 2015, P. 1—2, 6.

²⁹ JakartaGlobe. FPI Protests Against Ahok. URL: <http://jakartaglobe.beritasatu.com/eyewitness/fpi-protest-ahok/> (дата обращения: 30.06.2016).

Становление системы высшего образования в Корее в период деятельности американской военной администрации в отечественной и зарубежной историографии

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ трудов отечественных и зарубежных учёных, занимавшихся проблемой становления высшего образования Кореи в период существования американской военной администрации (1945—1948 гг.). Автором была сделана попытка проанализировать вклад военного правительства в становление и последующее развитие высшего образования в Корее и понять, почему в историографии существуют две, зачастую полярные, точки зрения относительно влияния отдельных исторических, политических и идеологических факторов на систему высшего образования Кореи этого периода.

Ключевые слова: *Корея, американская военная администрация, высшее образование, историография.*

Введение

Историческая наука во многом зависит от идеологической и политической ситуации в обществах отдельных стран и мира в целом, следствием чего является существование различных интерпретаций одних и тех же исторических событий. В этом отношении история Кореи (особенно с последней четверти XIX века, когда началось усиление внешней экспансии в стране, и вплоть до современности) не является исключением. Расхождения в описании некоторых событий, статистике, оценке вклада той или иной страны в изменение хода исторического процесса Кореи можно

найти в литературе, посвященной самым различным этапам корейской истории. В данной статье будет рассмотрен период становления современной системы высшего образования Кореи в период деятельности американской военной администрации (1945—1948 гг.)¹. Некоторые тезисы о вкладе США в развитие высшего образования на юге Корейского полуострова в этот период, встречающиеся в зарубежной литературе, вызывают сомнение у советских и российских ученых и приводят к существованию двух, зачастую полярных, точек зрения. В Корее, где с конца первой половины 20 в. столкнулись интересы двух великих держав, подобного рода расхождения можно наблюдать нередко.

В рамках данной исследовательской работы среди широкого спектра политических, экономических и социальных вопросов, касающихся изменений и нововведений, привнесенных правительством Соединенных Штатов, особый интерес автора вызвала сфера высшего образования. Выбор такой тематики связан с исключительной значимостью этой сферы жизни государства и общества на протяжении всей корейской истории. Понимание роли образования как важного инструмента государственной системы укоренилось в сознании корейцев еще в древности². В современной Южной Корее высшее образование служит очень важным средством реализации личности и в большинстве случаев является ключевым условием для получения достойной работы и достижения высокого положения в обществе.

При написании данной исследовательской работы были использованы труды именитых советских и российских востоковедов, а также их американских коллег, в том числе Ли Джонкина, который, несмотря на свое этническое происхождение, является представителем американской школы³.

Таким образом, данная статья, освещающая, с одной стороны, столь значимый и тесно связанный с различными сторонами жизни корейского общества аспект, как сфера высшего образования, и, с другой стороны, его развитие в столь трудный для страны переходный период существования военного американского правительства, представляет глубокий научный интерес.

Кадровая политика

После вступления СССР в войну с Японией (8 августа 1945 г.) и последовавшей вскоре безоговорочной капитуляции японцев было установлено, что разграничительной линией между советскими и американскими войсками в освобожденной от японской колонизации Корее будет 38-я параллель. 8 сентября 1945 г. американские войска во главе с генералом Д.Р. Ходжем высадились на корейскую землю, оккупировав территорию южнее 38-й параллели. Кандидат исторических наук Н.Н. Ким в своем труде «Южная Корея 1945—1948. Политическая история» отмечает факт скудного снабжения американской армии, нехватку у них специалистов для управления оккупированной страной⁴. По мнению же российского историка и политолога А.В. Торкунова, решение Трумэна назначить главой американской оккупации Джона Ходжа — человека, не имевшего военного образования и не знавшего особенностей страны, в которой ему предстояло управлять, было серьезной ошибкой. У него отсутствовал опыт в управлении делами в Корее, он не учитывал особенности страны с ее тысячелетней историей, и все его решения лишь усиливали поляризацию в разделенной стране, создавая обстоятельства, приведшие к достижению апогея недовольства среди корейцев⁵.

Первым и самым основным условием того, чтобы США могли проводить образовательную политику в Корее, было элементарное взаимопонимание между корейцами и американцами. Американский историк Майкл Сет пишет о том, что у генерала Д.Р. Ходжа, руководившего американскими войсками, не было переводчика, говорящего по-корейски, хотя к тому времени некоторые корейцы уже получили образование в США⁶. Если к оккупации Японии США основательно готовились, открывая во многих вузах курсы по изучению японского, обучению офицеров гражданской службы, то в случае с Кореей ничего этого сделано не было⁷.

Не оказывал содействия в развитии сферы образования и генерал американской армии Дуглас МакАртур, который свернул многие программы обмена корейскими и амери-

канскими студентами, в том числе и «Программу образовательной поддержки из Америки», которая подразумевала пересылку 100 американских учителей в Корею и 100 корейских преподавателей и 300 учеников в Штаты. Его аргумент: «Еще не время»⁸.

Кроме того, имели место и иные свидетельства неготовности американских войск управлять страной. В декабре 1945 г. в ходе заседания Московского совещания министров иностранных дел США, СССР и Великобритании было решено установить международную опеку над Кореей сроком от 5 до 10 лет. Однако в тексте документа с решением об опеке, который наутро было опубликован в газетах, слово «опека» было переведено на корейский язык так же, как некогда, в годы японской колонизации, переводилось слово «протекторат» («синтактхончи») ⁹.

В американской литературе находят оправдание этой и другим неудачам военной администрации в том, что само по себе освобождение Корейского полуострова было «непредвиденным обстоятельством, которое сложно было предугадать» и, соответственно, к которому нельзя было подготовиться, и объясняют конфузы американцев «растерянностью»¹⁰. Американские историки признают то, что генерал Ходж не был лучшей кандидатурой, но также отмечают, что если бы японских войск не было в Корее, то и не возникло бы необходимости оккупировать полуостров. Тем не менее, по мнению американского исследователя Джона Матрея, это не освобождает Штаты от ответственности за совершенные злодеяния¹¹.

Корейские ученые также отмечают возникновение неизбежного непонимания и неприятия друг друга представителями западной и восточной культур: «Присущие западной культуре индивидуализм, накопительство, прагматизм и капиталистический подход к управлению страной противоречил традиционным корейским ценностям коллективного труда, равенства человека и природы, глубокого традиционализма»¹².

Основные мероприятия образовательной политики Американской военной администрации

Несмотря на первые неудачи, американцы приняли решение, что будут уделять сфере образования большое внимание и выбрали два главных направления образовательной политики — полное освобождение сферы образования от колониальных пережитков при корейзации образовательной области и устранение неграмотности населения¹³. Говоря о способах реализации двух указанных направлений реформ, некоторые российские исследователи отмечают, что проводимая американцами политика была в целом характерна «для всех случаев модернизации, навязываемой американцами, не склонными к проявлению излишней внимательности к национальным и историческим особенностям»¹⁴. Российский дипломат и историк А.В. Торкунов убежден, что политика американцев противоречила общепризнанным международным принципам права наций на самоопределение, а высказанное в докладе к правительству США заявление А. Дж. Тойнби о том, что «корейцам присуща повышенная склонность к склокам и ссорам» и что они «не в состоянии осуществлять административные функции на профессиональном уровне», свидетельствует о том, что понимать корейский народ, считаться с ним американцы были не намерены¹⁵.

Становление центральных органов управления образованием Южной Кореи началось 6 октября 1945 г., когда американская военная администрация упразднила Департамент по делам образования, существовавший при японских властях, и учредила «Американский департамент по делам образования в Корее». В период оккупации американской власти этот орган многократно реформировался, что свидетельствовало о нестабильности образовательной сферы, отсутствии квалифицированных кадров¹⁶. Помимо центральных органов в РК существовали и другие учреждения, осуществлявшие управление в сфере образования на консультативной основе. В ноябре 1945 г. американская военная администрация учредила Консультативный совет

по образованию, провозгласивший главной задачей системы образования «воспитание совершенного и патриотичного гражданина национального государства» в соответствии с идеалом «принесения широкой пользы всем людям мира» («*хонъик инган*»), провозглашенным еще основателем корейской нации Тангуном¹⁷. Также Консультативный совет объявил одной из приоритетных задач своей деятельности учреждение новой образовательной системы, свободной от фашистской, милитаристской природы японского образования¹⁸.

Однако согласно позиции российского историка И.А. Толстоулакова, степень участия корейцев в деятельности Консультативного комитета была минимальной, все руководящие административные посты занимали американцы¹⁹. Еще в день высадки американцев на Корейский полуостров генерал Ходж заявил: «Военное правительство является единственным полномочным правительством в Корее. И если найдется кто-то, кто вздумает клеветать или перечить ему, то он понесет строгое наказание»²⁰. Многие корейцы также негативно восприняли использование мифологических сюжетов в государственных актах как ассоциацию с понятием «восьми углов под одной крышей», напоминавшим объединение мира под властью Японии²¹.

Американской военной администрацией были проведены следующие мероприятия в сфере высшего образования: введение схожей с американской системы 6—3—3—4 (соответственно 6 лет в начальной школе, 6 лет в средней и 4 года в университете); строительство новых университетов; восстановление обучения на корейском языке (популяризация корейского алфавита «*хангыль*»); повышение общей грамотности населения. В результате, если после освобождения полуострова в 1945 г. 3039 корейцев посещали 19 существующих на то время университетов страны, то в 1947 г. число студентов увеличилось до 20545, а колледжей и университетов стало 29²².

Российские ученые находят причину столь стремительного роста числа желающих поступить в вузы в увеличении жажды знаний, появлении доступа к образованию

после долгого перерыва. Провозглашенный Консультативным советом принцип «универсального» образования, звучавший из всех окон и публиковавшийся во всех газетах, сыграл злую шутку с самими американцами. Такие заявления спровоцировали невиданный рост желающих получить высшее образование, связанный с тем, что в эпоху Чосон образование носило элитарный характер и было прерогативой богатых и знатных людей, а теперь его было обещано даровать всем. Вместе с тем во время японской колонизации доступ к образованию был ограничен также и для детей знати, и после падения колониализма наиболее состоятельные граждане стремились восполнить это упущенное время и дать своим детям лучшее образование. Таким образом, высшее образование стремились получить очень многие. Однако выдающийся востоковед В.М. Тихонов в своем труде «История Кореи. Двадцатый век» говорит о том, что обеспечить образованием всех не было возможности: образовательная сфера не спонсировалась должным образом; не хватало учителей (все прежние учителя были японцами и покинули полуостров после падения японского колониализма); не было учебных пособий на корейском и хорошо оснащенных вузов и т.п. Все это неизбежно вело к снижению качества образования²³.

Создание университетов и первые выступления преподавателей и студенчества

В отношении учителей американское правительство учредило Ассоциацию учителей Кореи (1947 г.), которая формально была провозглашена независимой профессиональной ассоциацией. Но согласно мнению российских ученых, эта ассоциация была создана лишь потому, что американцы опасались усилившегося влияния другой организации — Корейской федерации учителей, которая ранее имела отношение к коммунистическому национальному совету профсоюзов²⁴.

При американской военной администрации многие образовательные учреждения страны получили статус вузов, которые на сегодняшний день являются сильнейшими в Республике Корея. К концу 1946 г. институты Кёнхи, Корё,

женский колледж Ихва были преобразованы в университеты. Некогда открывшийся как первая школа для девочек колледж Ихва стал первым в истории Кореи официально организованным вузом. Университет Корё стал первым вузом страны, предложившим курсы по таким дисциплинам, как право, экономика и журналистика. Изначально он был создан на народные пожертвования как университет для детей крестьян и бедных людей. Сегодня этот вуз, вместе с Сеульским национальным университетом и университетом Ёнсе, входит в тройку лучших вузов страны²⁵.

Однако создание главного вуза страны — Сеульского национального университета — было связано с большим скандалом. 19 июня 1946 г. созданный при американской военной администрации Департамент образования, ссылаясь на финансовые обстоятельства и необходимость более эффективного использования людских ресурсов, объявил о решении «распустить все высшие учебные заведения в Сеуле и создать огромный университет на основе новых идеалов и представляющий науку и образование всей страны». Против этих планов выступило Объединение преподавателей высших заведений. Оно было обеспокоено тем, что учрежденный для создания нового университета совет состоял полностью из чиновников Министерства. Вместо этого члены Объединения преподавателей предлагали расширить Кёнсонский университет, созданный при японцах, при сохранении всех традиций и особенностей его факультетов. Также против предложения по созданию единого вуза выступила студенческая оппозиция, и когда Министерство отстранило от занятия участвовавших в выступлениях студентов, профессора самовольно покинули стены своих вузов, и бойкот распространился более чем на 400 вузов по всей стране. Движение против создания Сеульского национального университета стало самым серьезным выступлением вузовской среды, с которым пришлось столкнуться США²⁶.

Таким образом, отношение самих корейцев к происходящим в стране событиям также вызывает споры ученых. В американских источниках говорится о «доброжелательности и поддержке американских усилий корейцами, которые

были готовы впитывать новые идеи», мудрость, совершенную модель устройства общества и т.п.²⁷ Однако решение об опеке, притом понятой корейцами превратно, вылилось в острые протесты студентов, относившихся к американской администрации враждебно. Разные претензии высказывали левые и правые силы: первые негодовали от ликвидации демократических институтов, вторые были возмущены самим фактом опеки²⁸. Ответ американского правительства не заставил себя ждать: последовали притеснения студентов и закрытие университетов.

По мнению российских и советских историков, за три года своей образовательной деятельности в Корее американская военная администрация смогла реализовать значительно меньше того, что было изначально заявлено в программе правительства Соединенных Штатов. Некоторые американские ученые оспаривают эту точку зрения: «За три года мы создали централизованную образовательную систему, намного более эффективную, чем всё то, что было создано за 40 лет японской экспансии»²⁹.

Другие исследователи признают, что за это время можно было сделать больше и объясняют невыполнение поставленной задачи очень коротким сроком, который был дан американским властям для реформирования системы образования, вследствие чего не была в полной мере претворена в жизнь подготовленная американским правительством программа, которая должна была принести свои плоды лишь спустя 10 лет. Кроме того, японцы оставили после себя милитаризованную, управляемую из центра систему образования, которая была противоположна той, которую стремились построить американцы. Поэтому основные усилия военного правительства были направлены не на то, чтобы внедрить что-то новое, но, по крайней мере, решить огромное множество проблем образовательной сферы, накопившихся за годы японской экспансии. Это был как сильный недостаток квалифицированного персонала, так и тот факт, что после освобождения от японского колониализма только 20% корейцев имели среднее образование, а высшее — лишь 1%.

Согласно мнению еще ряда американских ученых, военное правительство не смогло реализовать всё запланированное потому, что на международном уровне вопрос о статусе Кореи еще не был решен и переговоры продолжали вестись, так что Штаты не могли навязывать Корее свою помощь, «хотя и чувствовали, как она необходима»³⁰.

Однако большинство советских и российских ученых убеждены в том, что вначале власти США умышленно сохраняли всю структуру японского управленческого аппарата просто потому, что не знали, какую политику проводить в Корее; в дальнейшем же во всех прочих действиях США усматривалось прямое намерение задержать предоставление независимости народу освобожденной страны, и такая политика Штатов, как исключение из участия в политической деятельности ряда крупных демократических партий, таких, как Всекорейский союз молодежи («Чонгук чхоннён томэн»), об этом ярко свидетельствовала³¹.

Заключение

Если попытаться дать независимую оценку образовательной деятельности американского военного правительства в Южной Корее, то можно заключить, что, несмотря на стремление построить современную систему высшего образования, базирующуюся на демократических началах, в действительности многие мероприятия проводились без учета мнения корейцев, их национальных особенностей и многовековой истории страны; руководители американской военной администрации были неопытны, недалновидны и не имели четкой стратегии; зачастую проводили политику, нарушавшую национальную целостность и единство корейского народа, что постепенно приводило к расколу в обществе, порождало многочисленные бунты и недовольства в студенческой и преподавательской среде. Но несмотря на всё это, нельзя не отметить тот факт, что за три года существования американской военной администрации был заложен прочный фундамент новой, национальной по форме и современной по содержанию образовательной системы бу-

душей Республики Корея. Вплоть до конца XIX века корейское образование базировалось на китайской письменности с применением китайских учебников и китайской методики обучения. Во время японской оккупации происходило принудительное использование японского языка, доступ к получению высшего образования корейцами был строго ограничен, вся деятельность, в которую могли быть вовлечены корейцы, заключалась в монотонном штудировании конфуцианских текстов для будущей подготовки чиновников. И какую бы точку зрения ни отстаивали приверженцы различных идеологических систем, как бы ни варьировались данные отечественных или зарубежных историков, невозможно оспорить целый ряд достижений американской военной администрации. В 1945—1948 гг. было восстановлено обучение на корейском языке; новый статус получили ведущие сегодня вузы — Сеульский национальный университет, университеты Корё, Кёнхи, Ихва; было увеличено число учащихся; укреплена материальная база вузов; введена образовательная система 6—3—3—4, которая действует в стране и сегодня. И если, оцелявая деятельность военной администрации нельзя говорить о таких претензионных вещах, как «построение свободной от черт авторитаризма, демократической по форме системы просвещения при перенятии совершенной американской системы», то как минимум можно отметить решение первоочередных задач по модернизации образовательной сферы³².

Однако мероприятия образовательной сферы, проводимые американской военной администрацией, были лишь началом влияния американской образовательной системы на корейскую. В дальнейшем новый формат сдачи аттестационных экзаменов и система поступления в вуз, система научных степеней и многие образовательные программы были заимствованы из американской образовательной системы и эффективно используются в Корее и сегодня. Многие южнокорейские вузы занимают высокие позиции в рейтингах мировых университетов, имеют широкие международные связи с университетами Европы и США; в высшем образовании Республики Корея был достигнут большой прогресс

в развитии науки, техники и гуманитарных дисциплин, а профессия преподавателя в университете пользуется большим уважением в обществе³³. Все это позволяет говорить о том, что планы американцев по созданию современной, демократической и конкурентоспособной системы высшего образования в Республике Корея были реализованы, но для этого потребовалось время.

---

¹ Jeong-Kyu Lee, Ph.D. Korean Higher Education under the United States Military Government: 1945—1948. Radical Pedagogy, 2006.

² Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. — М.: Международные отношения. — 2000.

³ Jeong-Kyu Lee. Op. cit.

⁴ Ким Н.Н. Южная Корея 1945—1948 гг. Политическая история / Институт востоковедения РАН. — М.: Наука — Восточная литература, 2015. С. 37.

⁵ Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. — ОЛМА Медиа Групп, 2008.

⁶ M.J. Seth. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. P. 74.

⁷ Ким Н.Н. Южная Корея 1945—1948 гг. ... С. 115.

⁸ M.J. Seth. Op. cit. P. 48.

⁹ A Decade of American Foreign Policy 1941—1949. Interim Meeting of Foreign Ministers, Moscow // Lillian Goldman Law Library. — URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/decade19.asp.

¹⁰ M.J. Seth. Op. cit. P. 57.

¹¹ J.I. Matray. Hodge Podge: American Occupation Policy in Korea, 1945—1948, Korean Studies, Vol. 19, 1995. P. 32—34.

¹² Jeong-Kyu Lee. Op. cit.

¹³ M.J. Seth. Op. cit. P. 58.

¹⁴ Ильин В.И. Корейское образование: традиции и модернизация // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи: сборник статей / отв. ред. Р.К. Тангалычева, И.А. Коргун. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2012. — 446 с.

¹⁵ Торкунов А.В. Указ. соч.

¹⁶ Пак Хису, Толстокулаков И.А. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова: Моно-

графия. — Владивосток: издательство Дальневосточного Университета. — 2005. С. 51—55.

¹⁷ Jeong-Kyu Lee. Op. cit.

¹⁸ M.J. Seth. Op. cit. P. 82.

¹⁹ Пак Хису, Толстокулаков И.А. Указ. соч. С. 53.

²⁰ Jeong-Kyu Lee. Op. cit.

²¹ Пак Хису, Толстокулаков И.А. Указ. соч.

²² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 2. — Двадцатый век. — М.: Восточная книга, 2011.

²³ Там же.

²⁴ Торкунов А.В. Указ. соч.

²⁵ Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. М.: Международные отношения. — 2000.

²⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч.

²⁷ M.J. Seth. Op. cit. P. 89.

²⁸ Ким Н.Н. Политические дискуссии вокруг режима опеки на юге Кореи (1945—1948 гг.) // Доклады, представленные на XIII научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва. Изд-во ИДВ РАН, 2009.

²⁹ E.G. Meade. American Military Government in Korea. New York: Columbia University Press, 1951.

³⁰ M.J. Seth. Op. cit. P. 67.

³¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч.

³² Jeong-Kyu Lee. Op. cit.

³³ Worries about Korean higher education overblown // The Korean Times. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2014/08/176_163908.html.

Беляева А.В.

Современная социальная реклама КНР: особенности становления и развития

Аннотация

Данная статья ставит перед собой цель выявить основные особенности становления и развития сферы социальной рекламы в КНР. Оценена роль государства в регулировании этой сферы и контроле над ней; выяснена цель использования компонентов китайской культуры в социальной рекламе; также приведены основные типы видеороликов социальной рекламы, транслируемых на Центральном телевидении Китая.

Ключевые слова: *социальная реклама КНР, элементы китайской культуры, культурные стратегии, социальная реклама и государство.*

Введение

Социальная реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства. Она выполняет ряд важных функций для осуществления своих главных целей — актуализации общественных проблем и распространения одобряемых обществом ценностей и норм. Ее функции следующие: информационная, нормативная, эстетическая и т.д.¹

Одной из функций социальной рекламы в КНР является распространение социокультурных ценностей. Этот феномен обусловлен тем, что государство контролирует сферу рекламы, регламентируя ее контекстно-содержательную структуру, то есть использует рекламу в качестве средства

пропаганды, тем самым реализуя свои идеологические и политические задачи, в основу которых легла политика «мягкой» силы. Так, на первой международной конференции по рекламе в Министерстве коммерции КНР были предложены критерии содержания рекламы, главными из которых являются «политичность» и «идеологичность», то есть соответствие политическому и идеологическому курсу страны². Согласно «Закону КНР о рекламе» от 1995 г., реклама должна способствовать развитию национальной страны³.

Первая попытка определить, в чем состоит политика «мягкой» силы для Китая, была предпринята на XVII съезде Коммунистической партии Китая, проходившем в Пекине с 15 по 21 октября 2007 г. В одном из докладов были сформулированы основные цели, которые должна преследовать «мягкая» сила в КНР: 1) «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»⁴; 2) «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»⁵; 3) «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»⁶; 4) «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры»⁷.

Указанные цели направлены, прежде всего, на построение социализма с китайской спецификой и гармоничного общества, они воплощаются в жизнь с помощью культурных стратегий, разработанных государством.

Роль данных стратегий заключается в формировании и поддержании культурных ценностей и традиционных моделей поведения в общественном сознании, а также в строительстве социалистического могущественного культурного государства. Основные ценности китайской культуры, которые воспроизводятся и тиражируются в видеороликах, отражают конфуцианскую социально-философскую традицию. Поддержание данных культурных и традиционных ценностей в обществе — еще одна цель, которую преследует социальная реклама в Китае.

Таким образом, формируются следующие тенденции, которые отличают китайскую модель социальной рекламы от

западной, придавая ей своеобразную специфику: ярко выраженной роль правительства в регламентации рекламного контента и его контроле, и, в связи с этим, насыщенность данного контента элементами китайской культуры.

Само по себе понятие «социальная реклама» в Китае определяется как «公益广告 (*гун'и гуангао*) — «реклама для общественного блага», «общественно полезная реклама»⁸. Руководящими органами в этой сфере являются Отдел по социальной рекламе Центрального телевидения (中央电视台央视广告部 *Чжунъян дяньши янши гуангаобу*), Государственное Управление промышленно-торговой администрации (国家工商局 *Гоцзя гуншанцзю*), Отдел теле- и радиовещания (广电部 *Гуандяньбу*) и Отдел пропаганды ЦК КПК (中宣部 *Чжунсюаньбу*).

Этапы становления института социальной рекламы

История современной телевизионной социальной рекламы в КНР начинается в 80-х гг.: в 1986 г. на телеканалах в городском округе Гуйян провинции Гуйчжоу был показан первый рекламный ролик «Экономьте воду» (节约用水 *цзе'юэ юншуэй*). Эффект от данного ролика был впечатляющим: потребление воды среди местных жителей сократилось на 47 тыс. тонн по сравнению с предыдущим годом. После этого, 26 ноября 1987 г., на Центральном телевидении Китая была официально запущена рубрика «Транслируй и информируй» (广而告之 *гуанэргаочжи*), которая была посвящена социальной рекламе, и каждый день 1 или 2 раза в ней показывали ролики метражом от 30 сек до 1 мин⁹.

В апреле 1996 г. впервые Отделом по социальной рекламе Центрального телевидения было проведено собрание по стратегии развития социальной рекламы. Будучи в то время главным руководителем Центрального телевидения, Ян Вэй подчеркнул, что необходимо усилить социальную рекламу на телевидении, так как она выступает в качестве «легкой кавалерии» (轻骑兵 *цинцибин*) строительства духовной культуры социализма, и, следовательно, нужно тщательно изучать сферу телевидения, а также развивать законодательство в сфере социальной рекламы¹⁰.

Также с 1996 г. регулярно начали проводиться конкурсы на лучшую социальную рекламу. Так, период с 1 сентября по 1 октября был объявлен месяцем социальной рекламы, его темой стали «Нравы и обычаи китайцев» (*中华好风尚 中华好风尚*)¹¹.

В 1997 г. Отдел пропаганды ЦК КПК совместно с Государственным Управлением промышленно-торговой администрации и Отделом теле- и радиовещания приняли «Извещение о производстве социальной рекламы» (*关于做好公益广告宣传的通知 关于做好公益广告宣传的通知 关于做好公益广告宣传的通知 关于做好公益广告宣传的通知*). Данное извещение обязывало каждый телевизионный канал транслировать социальную рекламу в прайм-тайм, с 19:00 до 20:00, а ее объем должен был быть не ниже 3% от общего количества рекламы, транслируемой по телевизору (включая коммерческую)¹².

22 октября 1999 г. Комитет ЦК по строительству духовной культуры совместно с Главным управлением промышленно-торговой администрации опубликовали «Извещение по вопросам дальнейшего производства социальной рекламы», которое призывало рассматривать кампании по социальной рекламе в качестве долгосрочной работы по строительству духовной культуры.

В 2004 г. была разработана концепция «Чжунго юаньсу» (элементы китайской культуры), которая подразумевает под собой внедрение элементов китайской культуры в рекламу, как в коммерческую, так и социальную. Данная концепция была предложена председателем правления шанхайского креативного агентства Meikao Гао Цзюном и впервые представлена на внутреннем собрании агентства, уже в 2006 г. она была признана основной темой и основным содержанием 13-го фестиваля рекламы. Концепция позволяет разделить элементы китайской культуры на три части: 1) исконно принадлежащие Китаю (например, территория, проживающие на ней народы, климат и т. д.); 2) элементы традиционной китайской культуры (традиционная архитектура, письменность и т. д.); 3) современные достижения китайской культуры (к ним относятся наследие Летних Олимпийских игр в Пекине в 2008 г., китайские достижения в освоении

космоса, особенности китайского кинематографа, поддержка знаменитых отечественных производителей и т. д.)¹³.

Основные типы социальной рекламы в КНР

Структурно-содержательный анализ 71 ролика социальной рекламы, представленных на сайте Chinese Central Television¹⁴, позволил выделить ее 4 основных сюжета: 1) реклама традиционных социокультурных моделей поведения и этикета; 2) реклама достижений художественной культуры; 3) реклама календарно-праздничных традиций; 4) реклама «Китайская мечта»¹⁵.

В рекламных роликах, транслирующих традиционные социокультурные модели поведения и этикета, представлены как правила бытового общения, этикетные формы, так и способы реализации принципа сыновьей почтительности *сяо* (孝). Понятие *сяо* (孝), семантически сложное и многоплановое, включает в себя любовь, почтение и уважение к старшим и в контексте семьи, и в контексте общества и государства¹⁶.

Второй тип социальной рекламы характеризуется особым вниманием китайцев к достижениям традиционного искусства. Китай является колыбелью многих видов искусств, которые зародились еще в глубокой древности и развивались на протяжении нескольких тысячелетий. Социальная реклама охватывает как всемирно известные направления (например, каллиграфия, китайская живопись, театр и опера, музыка, архитектура, танцы); так и те виды, которые получили распространение только в рамках китайской цивилизации.

В рекламе третьего типа представлены наиболее значимые календарные и государственные праздники, которые выполняют функции социальной интеграции народов КНР на основе сохранения и распространения ценностей культуры, что позволяет пробуждать и закреплять у целевой аудитории чувство этнокультурного единения. Масштабная пропаганда традиционных праздников, ярких, зрелищных и красочных, рассчитанная на иностранную аудиторию, позволяет создать привлекательный образ китайской культуры.

В роликах четвертого типа визуально представляют целевой аудитории современную «китайскую мечту». Понятие «китайская мечта» (中国梦, *Чжунго мэн*) — новая ценность, которая была представлена в 2012 г. Си Цзиньпином. Он определил ее как «осуществление великого возрождения нации» с целью построить «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство», для чего необходимо опираться на систему сложившихся за несколько тысячелетий культурных ценностей и продолжать стимулировать ее¹⁷.

Данная концепция, являясь символом жизненной стратегии как всего китайского народа, так и его отдельных представителей, основана на стремлении личности и государства сформировать и развить социальную гармонию, опираясь на многовековую традицию и духовный опыт предыдущих поколений.

Заключение

Современная социальная реклама в КНР представляет собой один из способов реализации культурных стратегий, целью которых является формирование и закрепление социокультурных ценностей и традиционных моделей поведения и взаимодействия в общественном сознании. В китайской рекламе, транслируемой на телевидении, культурные элементы используются во всех видах рекламы, но именно в социальной рекламе они преобладают. Одной из основных целей китайской социальной рекламы является поддержание в сознании людей культурных традиций.

Анализ роликов социальной рекламы в КНР помог выявить ее основное отличие от западной: если основной темой западной рекламы является привлечение аудитории к актуальным проблемам общества, то в Китае она прежде всего направлена на пропаганду национальных традиций и ценностей с целью сформировать чувство уникальности и историко-культурной исключительности, гордости граждан за историческое прошлое, настоящее и будущее своей страны. Для повышения эффективности социальной рекламы

правительством было принято решение транслировать социальную рекламу по Центральному телевидению, причем ее доля не должна быть менее 3 % от всего количества транслируемой рекламы.

---

¹ Реклама: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов / под ред. В.В. Тулупова. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. С. 22.

² Ульянова М.Ю. Культура и традиция в системе современной массовой коммуникации КНР начала XXI в. (на примере анализа рекламных текстов 2005—2008 гг.): диссертация ... кандидата филологических наук. — М., 2014.

³ Чжунхуа жэньминьминь гунхэго гуангаофа (Закон о рекламе КНР) // Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй (Сайт Всекитайского собрания народных представителей). URL: http://www.npc.gov.cn/npc/cwhhy/12jcw/2015-04/25/content_1934594.htm (дата обращения: 1.03.16).

⁴ Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 4. — С. 149—155.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Ульянова М.Ю. Указ. соч. С. 38.

⁹ Чжунго гунъи гуангао сяоши (Краткая история социальной рекламы в Китае) // под ред. Лю Синсин // Чжунго вэнмин ван (Сайт Отдела пропаганды ЦК). URL: http://www.wenming.cn/wmwmobile/zt/201311/t20131120_1592021.shtml (дата обращения: 05.09.2015).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Чжунго юаньсу (Китайские культурные элементы) // Байду Байкэ. URL: <http://baike.baidu.com/view/524057.htm> (дата обращения: 05.04.2016).

¹⁴ Ролики с социальной рекламой // Сайт Chinese Central Television URL: <http://igongyi.cntv.cn/> (дата обращения: 15.12.13).

¹⁵ Нестерова О.А., Распертова С.Ю., Беляева А.В. Этнокультурные ценности и образы в современной социальной рекламе КНР // Полигнозис. — 2015. — № 1. — С. 90—102.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. — М.: Восточная книга, 2014.

Прокофьева В.А.

Социокультурные ценности современных южных корейцев (на основании социологических опросов)

Аннотация

В статье представлены результаты анализа социологических опросов, опубликованных крупными интернет-порталами Республики Корея и агентством GallupKorea и касающихся таких сфер жизни общества, как семья, труд и образование. Автором проанализированы изменения, произошедшие в социальной сфере, и сделаны выводы об их взаимосвязи с трансформациями в политической и экономической сферах.

Ключевые слова: Южная Корея, социальная сфера, трансформация.

Введение

Говоря о социокультурных ценностях современных южных корейцев, следует упомянуть значительные политические и экономические трансформации, произошедшие в Республике во второй половине XX столетия, которым предшествовали изменения в геополитической ситуации на Корейском полуострове в первой половине XX века. В 1950-х годах, когда территория ранее единого государства была разделена на две независимые части и можно было наблюдать во многом искусственную эскалацию конфликта, вызванного различными взглядами на дальнейшую траекторию развития Корейского полуострова, южные корейцы стали себя идентифицировать как отдельную нацию, не связанную с корейцами, живущими в КНДР. Следовательно, в южнокорейском обществе сформировалась новая си-

стема ценностей, которая постепенно менялась в течение последующих 60 лет, что было связано в том числе со сменой политического режима. Поэтому, рассматривая историю Первой—Шестой республик, прошедших путь от авторитарного государства до демократического, стоит отметить, что изменения, произошедшие в мировоззрении населения, являются закономерными, вызванными трансформациями в других сферах жизни общества.

Для выявления изменений в социокультурных ценностях южных корейцев были рассмотрены результаты социологических опросов по темам, касающимся проблем взаимоотношений внутри семьи, отношения к работающим женщинам и изменений традиционных поведенческих моделей в школе. Данные направления выбраны по причине того, что институты семьи, образования и труда занимали особое положение во время существования и Когурё, и Чосона — государств, ранее существовавших на территории Корейского полуострова. Что же касается положения женщины в обществе, то по нему можно судить о степени демократичности и либеральности государства, потому что в отличие от западных демократий, где сейчас существует тенденция активной защиты прав женского населения, в недемократичных государствах их права, наоборот, ограничены.

Опросы были проведены среди населения Южной Кореи в период с 2000 по 2016 гг. известным социологическим агентством GallupKorea. Кроме того, были изучены результаты исследований, проведенных крупными интернет-порталами Южной Кореи.

Трансформации в сфере семейных взаимоотношений

В рамках данной работы мы изучили социальный опрос, в котором отразились мнения представителей разных конфессий: конфуцианцев, буддистов, христиан (протестантов и католиков), а также атеистов. Инфографика, отражающая результаты, была опубликована международным агентством GallupKorea в 2014 году. В ходе интервью, проведенных в 2004 и 2014 гг., мужчины и женщины (1500 человек) со всей

страны старше 19 лет отвечали на вопросы об их взаимоотношениях с супругами, а также давали ответы об образовательной системе в Республике Корея¹.

Число последователей конфуцианского учения, давших положительный ответ на вопрос об обязательном разделении обязанностей между супругами в соответствии с гендером возросло в период с 2004 по 2014 гг. Но в то же время процент тех, кто считает, что дети школьного возраста должны следовать только родительским наставлениям, уменьшился. Учитывая направленность политики президента Ким Ен Сама (1993—1998) на глобализацию, которая сделала общество более свободным, привнесла либеральные западные ценности, результаты второго исследования подтверждают успешность этой стратегии, потому что самостоятельное принятие решений более характерно для западных обществ, а не для Кореи, в которой на протяжении долгого времени принцип «хе», или почтительного отношения к правителю, родителям, супругу, был одним из главенствующих. Однако ответы респондентов первого опроса свидетельствуют о сильных конфуцианских традициях в вопросах организации семейного быта. Проанализировав результаты интервью представителей других конфессий, мы можем сделать такие же выводы.

Возвращаясь к вопросу разделения домашних обязанностей между супругами, представляется необходимым обратиться к интернет-исследованию, проведенному одним сайтом в 2015 году. Представители данного сайта задавали замужним женщинам вопрос: помогает ли Ваш муж с домашними обязанностями? Более 55 % женщин отмечают, что их мужья помогают им немного, 19,2 % заявили о равном разделении домашних обязанностей, более 20 % говорят либо об отсутствии помощи, либо о ее незначительном характере². Анализ ответов исследования продемонстрировал, что в южнокорейском обществе до сих пор присутствуют черты частичного гендерного неравенства в семейных отношениях, и можно говорить, что по сравнению с западными странами больше патриархальных семей.

В Корее большое значение имеют традиционные праздники, во время которых вся семья собирается за столом в

доме старшего родственника с целью отдохнуть с близкими и почтить память умерших предков. Одним из таких праздников является Чхусок. Агентство GallupKorea проводит ежегодные исследования, чтобы проследить изменение отношения населения к празднику, следовательно, определить степень важности семьи. Проанализировав данные телефонного интервью за 2001³, 2006⁴ и 2012⁵ гг. , в котором приняло участие совершеннолетнее население Южной Кореи, можно сделать следующие выводы. Во-первых, количество людей, предпочитающих во время Чхусока возвращаться на родину, увеличивается с каждым годом: с 36,7 % в 2001 г. до 50 % в 2012 г. Во-вторых, результаты опроса людей, касательно пребывания на родине после окончания празднования, также демонстрирует рост числа тех, кто остается в доме старшего в роду. Если в 2001 г. процент жителей Южной Кореи, решивших провести одну послепраздничную ночь с семьей, был равен 15 %, то в 2006 г. этот показатель был 33 %, к 2012 г. он вырос до 58 %. Исходя из вышеприведенных данных социального опроса мы можем заключить, что ценностная категория «семья» в Корее с началом процесса глобализации не только не потеряла своего традиционного значения, но и укрепила свои позиции, потерянные в начале процесса демократизации. Таким образом, ценность «семьи», несмотря на развитие электронных технологий, изменение образа жизни и процесс сближения с западными государствами, продолжает сохраняться.

Трансформации в сфере трудовых отношений

Далее нами были изучены социологические опросы, связанные с трудовой сферой. Начиная с 1392 года, когда правящей династией в Корее стала династия Ли, и установления неоконфуцианства в качестве государственной идеологии, в Корее особой популярностью пользовались такие профессии, как учитель и чиновник. Это связано как с конфуцианскими традициями: особое положение государственного служащего в Чосоне, стабильность данных профессий, высокая роль образования как социального лифта, а значит, и

учителя — так и с реалиями второй половины XX столетия, когда профессиональные госслужащие стали основой политического и экономического развития Южной Кореи после полувековой оккупации, а учителя — единственными, кто мог дать образование подрастающему поколению, поэтому — всегда востребованными⁶.

Нам представляется интересным изучить социальный опрос «Самые популярные профессии»⁷, проведенный в 2004 г. Структурировав данные, полученные в ходе уличных опросов мнения, агентство GallupKorea опубликовало список десяти самых популярных профессий, в дополнение сделав отдельные диаграммы, демонстрирующие ответы только женщин и только мужчин и градацию по возрасту. Как следовало ожидать, на первом месте оказалась профессия «государственный служащий», которую назвали 21,1 % опрошенных: среди мужчин — 18,7 %, среди женщин — 23,5 %. Второе место заняла профессия «учитель» с 14,1 % голосов. Но следующие четыре места по убыванию занимают профессии, которые не традиционны для государств, существовавших на Корейском полуострове до 1948 г., и для КНДР: частный предприниматель (9,6 %), врач (7,4 %), офисный служащий, или «белый воротничок» (3,2 %) и адвокат (3,0 %). Следует отметить, что влияние США и, следовательно, традиций западных обществ Республика Корея испытала раньше, чем в 1994 г., когда приоритетным направлением политики президента Ким Ен Сама стала ориентация на глобализацию. Начиная с 60-х годов XX века, когда Белый Дом стал оказывать финансовую поддержку Республике Корея, появилась тенденция к «копированию» западных веяний, это касается и высшего образования. Юрист, врач и частный предприниматель — это одни из наиболее популярных и высокооплачиваемых профессий в Соединенных Штатах, под влиянием которых они стали одними из самых популярных в Южной Корее.

Кроме того, следует отметить, что, благодаря процессам демократизации, увеличился процент женщин, работающих в сферах, связанных не только с институтом образования⁸. Согласно данным социальных опросов, опубликованным

в газете «Хангерэ»⁹, в сравнении с началом века изменился не только список наиболее популярных профессий и гендерная структура работников предприятий, но и причины выбора определенного вида деятельности. В исследовании, проводимым корреспондентом Чхве Ю Бином, приняли участие мужчины и женщины в возрасте от 20 до 30 лет включительно. Самой популярной причиной, из-за которой женщины выбрали свою будущую профессию, стал «подходящий характер деятельности». Данный вариант ответа выбрали 46,6 % опрошенных. У мужчин первое место с результатом в 43,4 % заняли «деньги» (у женщин данный ответ был выбран 30 % респондентов).

Нельзя сказать, что процесс глобализации повлиял лишь на гендерную структуру трудовой сферы. В современном южнокорейском обществе появились новые приоритетные области для реализации способностей, авторитетность профессии стала конкурировать с ее доходностью. Положение выше необходимо пояснить: проанализировав результаты опроса «Самые популярные профессии», виды трудовой деятельности можно разделить не только по принципу традиционные и нетрадиционные профессии для Кореи (учитель — традиционная профессия, юрист — стала популярна со второй половины XX века), но и по принципу авторитетные и доходные. Занятия, характеризующиеся одним из этих признаков, имеют практически одинаковую популярность у населения. Например, профессия «учитель», занимающая второе место, не является высокооплачиваемой, но человек, занимающийся преподавательской деятельностью, пользуется уважением в обществе¹⁰. «Частный предприниматель», который занимает третье место, наоборот, довольно доходный род деятельности, но некоторые люди считают это занятие недостойным.

Изменение роли женщины в южнокорейском обществе

Продолжая анализировать изменения, произошедшие в мировосприятии женщин, следует рассмотреть опрос, проведенный в 2015 г. одним интернет-порталом среди жен-

шин, результаты которого дают информацию о наиболее важных ценностях корейцев¹¹. На вопрос «Что самое главное у вас в жизни?» 50 % респондентов ответило «семья», 7,7 % — «карьера», а 42,3 % — «гармоничное совмещение работы и семейных обязанностей». Среди женщин, имеющих детей, было проведено исследование на тему «Почему после рождения ребенка вы продолжаете работать?». Опрошенными были высказаны следующие причины: для самореализации — 19,2 %, для обеспечения ребенка образованием/высоким уровнем жизни — 55,8 %, страх прерывания карьеры — 19,2 %, для повышения пенсионных сбережений — 5,8 %. Около 19 % опрошенных при анализе месячных расходов назвали основной тратой детское образование. Более 50 % женщин хотят оставить работу, а самые распространенные причины этого желания — болезнь ребенка (26,9 %) и беспокойство о его образовании (32,7 %).

Итак, можно сделать вывод, что, как и раньше, у женщин-кореенок на первом месте находится забота о муже и детях. Но следует отметить тенденцию к увеличению числа тех, кто считает необходимым сочетать домашние обязанности и профессиональные.

Заключение

Таким образом, посредством изучения результатов опросов были выявлены некоторые трансформации в социокультурных ценностях современных южных корейцев, вероятно, вызванные активными изменениями, происходящими в политической и экономической системах. Но, несмотря на произошедшие трансформации в ценностях, стоит отметить, что конфуцианские нормы поведения, которые строго соблюдались в корейском обществе на протяжении столетий, продолжают сохранять свое влияние на мировоззрение корейцев и их модель поведения в обществе. Это отражается в вопросе положения женщины в обществе. С одной стороны, прослеживается тенденция к изменению их поведения и роли в сфере трудовых и семейных отношений. Но в то же время не все мужское население Республики Корея готово

до конца принять мысль о том, что женщины равны с ними во всех отношениях, а в семьях сохраняется частичное гендерное разделение социальных ролей.

Увеличение популярности профессий, ранее не котирувавшихся в обществе и являющихся сугубо индивидуалистскими, но одновременно с тем не уменьшающаяся престижность таких занятий, как преподавание и государственная служба, может быть расценено в качестве доказательства утверждения о сосуществовании старых и новых мировоззренческих ценностей в трудовой сфере.

Характеризуя современные социокультурные ценности Южной Кореи на основе социологических опросов, можно сделать вывод о том, что социокультурные ценности современных южных корейцев изменились, но при этом в некоторых сферах продолжают сосуществовать ценности традиционные, конфуцианские, и ценности демократические, западные.

---

¹ 한국인의종교 1984-2014 (2) 종교의식 (Религии корейцев 1984—2014 (2) Религиозное сознание) // Gallup Korea. — 2014. URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=628&pagePos=3&selectYear=0&search=1&searchKeyword=%B0%A1%C4%A1> (дата обращения: 06.03.201).

² 윤은경.[키즈맘설문조사] 일가족모두놓치고싶지않아워킹맘의고민은? (Юн Ён Кён. [KizMom] Дилемма работающей матери, которая хочет уделять внимание и семье, и работе) // KizMom. — 2015. URL: http://kizmom.hankyung.com/mom/apps/news.sub_view?popup=0&nid=02&c1=02&c2=02&c3=00&nkey=201509020929231 (дата обращения: 06.03.2016).

³ 추석명절에대한여론조사 (Социологический опрос о празднике Чхусок) //Gallup Korea. — 2001. URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=126&pagePos=45&selectYear=&search=&searchKeyword> (дата обращения: 06.03.2016).

⁴ 2006 년한국인의추석풍경 (Мнение корейцев о празднике Чхусок в 2006 г.) // Gallup Korea. — 2006. URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=152&pagePos=1&selectYear=0&search=1&searchKeyword=%C3%DF%BC%AE%20%B8%ED%C0%FD%BF%A1%20%B4%EB%C7%D1> (дата обращения: 06.03.2016).

⁵ 추석명절에대한여론조사 (Социологический опрос о празднике Чхусок) //Gallup Korea. — 2012. URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=341&pagePos=2&selectYear=0&search=1&searchKeyword=%B3%EB%B5%BF> (Дата обращения: 05.03.2016).

⁶ А. Ланьков. Хаотические заметки корееведа // Какая работа — хорошая? — 2007. URL: <http://lankov.oriental.ru/213.shtml> (дата обращения: 28.02.2016).

⁷ 한국인이좋아하는 40가지 (40 вещей, которые любят корейцы) // Gallup Korea. — 2004. URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=60&pagePos=7&selectYear=0&search=1&searchKeyword=%B0%A1%C1%B7> (дата обращения: 06.03.2016).

⁸ А. Ланьков. Указ. соч.

⁹ 직업선택할때가장중요한것? 여성 46% «적성»...남성 43% «돈» (Самое важное при выборе профессии? Женщины: 46% — подходящий характер работы... Мужчины: 43% — деньги) // 한겨레. — 2013. URL: http://m.hani.co.kr/arti/society/society_general/587094.html (дата обращения: 06.03.2016).

¹⁰ А. Ланьков. Указ. соч.

¹¹ 윤은경.[키즈맘설문조사] 일가족모두놓치고싶지않아워킹맘의고민은? (Юн Ын Кен. [KizMom] Дилемма работающей матери, которая хочет уделять внимание и семье, и работе) // KizMom. — 2015. URL: http://kizmom.hankyung.com/mom/apps/news.sub_view?popup=0&nid=02&c1=02&c2=02&c3=00&nkey=201509020929231 (дата обращения: 06.03.2016).

Хикикомори как болезнь современной японской молодежи. Причины, проявления, последствия, проблемы реабилитации

Аннотация

В данной статье рассматриваются различные психологические, культурные и исторические факторы, влияющие на распространение среди современных японцев синдрома хикикомори. Также описываются варианты проявления синдрома и выявляются последствия образа жизни хикикомори для носителя и общества в целом. В заключительной части статьи автор анализирует основные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники реабилитационных центров при работе с хикикомори.

Ключевые слова: хикикомори, социальная самоизоляция, общее расстройство психологического развития высокой степени функционирования, HPDD.

В атмосфере растущей глобализации, неудержимого технического прогресса, мирового экономического кризиса, ухудшения экологического состояния и международной напряженности нарастают и стрессы у людей. Больше всего в этих условиях страдает молодое поколение, которое только начинает свою социализацию и интеграцию в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство и больше всего подвержено влиянию внешних факторов. Наибольшее количество стрессов и психологического давления испытывает молодежь пубертатного возраста, склонная к резким переменам в настроении и эмоциональной неустойчивости. Как известно, в этот период психологическое состояние человека нестабильно, он чувствителен,

раздражителен, беспокоен и легко возбудим. Внешне все это проявляется в грубости, упрямстве, черствости, капризах и протестах, которые человек выплескивает на ближайшее окружение. В это время подростки наиболее агрессивны и часто ведут себя жестоко по отношению к своим сверстникам. Иногда мягкость натуры, воспитание или какие-либо социальные, религиозные или нравственные мотивы не позволяют открыто проявлять свое упрямство. В таких ситуациях человек замыкается в себе, вырабатывается низкая самооценка, комплекс неполноценности, ненависть к себе и, как следствие, отвращение к жизни. Эти черты в некоторых случаях могут прогрессировать, что со временем может привести к развитию синдрома *хикикомори*.

Определение и масштабы распространения синдрома

Слово *хикикомори* с японского языка буквально переводится как нахождение в уединении, то есть, «острая социальная самоизоляция». Исследования последних лет в сфере психических расстройств показали, что синдром *хикикомори* в большинстве случаев не соответствует критериям ни одного из существующих психических заболеваний, описанных в Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств (DSM-IV). Таким образом, синдром *хикикомори* предположительно может быть назван синдромом, привязанным к конкретной культуре. Основным признаком *хикикомори* является жесткая социальная самоизоляция. Термином *хикикомори* называют людей, добровольно изолирующих себя от общества в своем доме или своей комнате более шести месяцев.

Автором термина *хикикомори* является японский психолог Тамаки Сайто, который в 90-х годах дал ему наиболее полное описание, однако, вплоть до сегодняшнего дня нет однозначной трактовки слова *хикикомори*. Оно может указывать как на человека, обладающего этим синдромом, так и на сам феномен, и в этом случае оно является, скорее, не названием недуга, а термином, использующимся для определения поведенческой проблемы. Понятие, следовательно,

может включать целый спектр различных психиатрических заболеваний.

Согласно описанию, данному Сайто в 1998 году в книге «Сякайтэки хикикомори» (*яп.* социальная самоизоляция), синдром чаще всего наблюдается у мужчин (60—80%). Средняя продолжительность периода проявления синдрома составляет 3 года и 3 месяца. Начальная стадия в большинстве случаев приходится на 15,5 лет¹.

Чтобы в полной мере оценить масштаб распространения данного синдрома, прибегнем к статистике. По данным министерства здравоохранения, труда и благосостояния на 2006 год в Японии насчитывалось 260 тыс. семей, где проживали *хикикомори*². Секретариат кабинета министров приводит другую цифру — 696 тыс. человек на июль 2010 года³. И даже эта цифра значительно преуменьшена. Из-за особенностей японского менталитета, порицающего всякое отклонение от нормы, не все семьи, чьи родственники страдают от синдрома *хикикомори*, способны открыто заявить об этом общественности. По данным сети поддержки КНЖ, некоммерческой общенациональной организации для родителей *хикикомори*, в Японии проживают более 1,6 млн *хикикомори*⁴.

Причины развития синдрома

Многие исследователи полагают, что *хикикомори* — это синдром, который развивается на фоне психологических заболеваний. По результатам исследования японских детских психологов среди молодежи до 21 года (всего 463 человека), носящей или носившей ранее синдром *хикикомори*, топ-6 диагнозов, наиболее часто приписываемых пациентам, страдающим этим синдромом — это аутизм (31 %), тревожное расстройство (10 %), депрессия (10 %), нарушение адаптации (9 %), невроз навязчивых состояний (9 %) и шизофрения (9 %)⁵. Часто синдрому *хикикомори* сопутствуют различные фобии. В частности, в последние годы, ввиду возросшего влияния на молодежь популярных исполнителей и актеров, обладающих привлекательными внешними данными, увеличилось число *хикикомори*, страдающих от дисморфо-

фобии — психического расстройства, при котором субъект чрезвычайно обеспокоен небольшими дефектами или некоторыми особенностями своего собственного тела⁶.

Ряд ученых считает, что синдром *хикикомори* может возникать как у пациентов с психическими отклонениями, так и у абсолютно здоровых людей. Японские исследователи Маами Сува и Коити Хара выделяют два типа *хикикомори*. Первый тип не имеет психических заболеваний, он называется первичной социальной самоизоляцией. Второй тип — это пациенты с общим расстройством психологического развития высокой степени функционирования (HPDD)⁷.

Другая группа исследователей считает, что основной причиной развития синдрома *хикикомори* является не наличие какого-либо психического заболевания, а особые социально-культурные условия, в которых живет человек. Так, Тамаки Сайто в книге «Сякайтэки хикикомори» пишет, что предрасположенность к получению синдрома имеют старшие сыновья в семье⁸.

В традиционных японских семьях, где царит патриархат, на мальчиков, особенно первых сыновей семьи, возлагаются большие надежды и ожидания. Они должны хорошо учиться, поступить в престижный университет, хорошо зарабатывать и содержать семью. Но не только семья накладывает свои ожидания на ребенка. В то время как японское общество с заботой смотрит на усердных учеников и старательных работников, оно может быть беспощадно по отношению к тем, кто не дотягивает до общепринятых стандартов. Это оказывает огромное давление на подростков, порождает страх и неуверенность в себе.

Отдельно стоит сказать о роли системы образования в развитии у ребенка синдрома *хикикомори*. Японская образовательная система построена так, что один неверный шаг может серьезно подорвать шансы ребенка поступить в престижный университет и устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Большинство престижных университетов имеют подготовительные старшие школы, а те, в свою очередь, имеют подготовительные средние школы и так до дошкольного уровня. Родители стремятся отдать своего ребенка в хоро-

ший детский сад, ведь подготовка к поступлению в хороший университет, начинается с 3—4-х лет. Таким образом, уже к 11—12 годам ребенок может быть заклеимен неудачником. Более того, распространенная в японских школах практика издевательств *идзимэ* тоже способствует накоплению большого количества стрессов. Запуганные ответственностью, накладываемой обществом, школьными экзаменами или притеснениями сверстников, многие молодые люди не выдерживают напряжения и пытаются полностью закрыться от реального мира в своих комнатах, т.е. становятся *хикикомори*.

Приведем еще одну версию развития синдрома. Согласно исследованию японского психолога Хаттори Юити, эксперта в области расстройства множественных личностей, больше всего подвержены риску приобретения синдрома *хикикомори* дети традиционных семей среднего класса — гражданских служащих, учителей, фермеров и мелких частных предпринимателей⁹. Более бедные семьи не имеют финансовой возможности содержать неработающего члена семьи. Главной причиной появления у ребенка синдрома *хикикомори* Хаттори считает отсутствие здоровых, крепких связей между детьми и родителями в раннем детстве. В традиционных японских семьях дети часто не получают должного внимания, неосознанно игнорируются (забываются), а их самовыражение затормаживается. Как результат, японский ребенок растет в условиях, когда он не может жаловаться или высказывать свои истинные чувства родителям. Вырабатывается чувство недоверия по отношению к родственникам, тем более к посторонним людям. Отсутствие привязанности порождает страх, расстройство и злость. Из желания спрятать эти чувства у ребенка развивается раздвоение личности. Недоверчивую и растерянную внутреннюю сущность *хоннэ* скрывает навязчиво приятная внешняя маска *татэмаэ*. Все это время страх и недоверие к людям накапливаются. В этих условиях какая-либо форма издевательств или эмоционального насилия может стать спусковым крючком для резкой социальной самоизоляции.

По словам Хаттори, страх и недоверие к людям являются наследством культурного гнета эры Токугава. Исторические

записи устанавливают, что в Средневековье японцы были очень схожи по темпераменту с англичанами, но жесткие меры по подавлению христианства, западного влияния и контролю общества (японцам запрещалось покидать страну, а иностранцев преследовали и убивали) в течение периода Токугава привели к складыванию недоверчивого осторожного темперамента¹⁰. Единственной точкой связи с материком тогда был порт Нагасаки. Это место можно назвать мостом между внешним миром и изолированной Японией. Подобным же образом синдром *хикикомори* представляет собой закрытие себя от внешнего мира с единственной связующей нитью через интернет или телефон.

Еще одной возможной причиной изоляции себя от окружающего мира может быть недостаточная степень мотивации. Жизненные планы, расписанные родителями для своих детей, могут не соответствовать представлениям ребенка о желаемом будущем. Отсутствие определенной жизненной цели порождает нехватку в стимулах для каких-либо действий.

Другое объяснение появлению феномена *хикикомори* можно найти на религиозно-этической почве. Согласно конфуцианским учениям, на основе которых строится вся современная японская система социальных коммуникаций, индивидуальное должно быть опущено в пользу поддержания гармонии в жестко иерархическом обществе. Такое подавление индивидуального фактора, как уже говорилось выше, не дает возможности ребенку открыто выражать свои чувства, что приводит к замкнутости и отчужденности.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно выделить несколько возможных причин возникновения в современной Японии феномена *хикикомори* — это социальное и культурное давление, эмоциональное пренебрежение, отсутствие прочных связей между детьми и родителями и подавление самовыражения.

Проявление и последствия

Как уже было сказано ранее, ученые Гавайского университета разделили *хикикомори* на два типа — страдающих

от общего расстройства психологического развития высокой степени функционирования (HPDD) и тех, кто подвержен первичной социальной самоизоляции.

В детстве носители первичного синдрома *хикикомори* не имеют заметных отличий от своих сверстников, многие из них, тем не менее, стеснительны и гиперчувствительны. В тоже время пациенты с HPDD уже в детстве проявляют особые интересы и используют нестандартные модели отношений. Особо заметны их поведенческие особенности, берущие начало в их безразличии по отношению к другим.

В юности пациенты с первичным синдромом *хикикомори* демонстрируют нормальные межличностные отношения, могут оставаться застенчивыми и гиперчувствительными, но, в общем и целом, способны найти хороших друзей. С другой стороны, пациенты с HPDD все еще встречают трудности на пути приобретения дружеских контактов. Со временем они осознают свою отличность от других людей. Они могут пытаться избавиться от своей проблемы, но чаще всего неправильными средствами, что приводит к ситуации, когда они начинают с трудом воспринимать критику.

Первые трудности обладатели первичного синдрома *хикикомори* встречают по окончании старшей школы. Типичной для них является ситуация «сдаться, даже не прикладывая никаких усилий», например, отказ от сдачи вступительных экзаменов в университет или откладывание устройства на работу. Это позволяет им избежать рисков и боли и тем самым сохранить лицо перед самим собой. Чаще всего семья допускает такое поведение и позволяет им подолгу оставаться в таком состоянии. Таким образом, проходят годы, и им все труднее становится переступить через свои страхи и начать все заново.

Пациенты с HPDD, напротив, очень стараются получить хорошую работу, но постоянные провалы из-за трудностей межличностных коммуникаций заставляют их сомневаться, и каждый новый вызов дается с трудом. Многие устают от постоянной неопределенности в трудоустройстве.

Большинство *хикикомори* ищут спасения от тягот реального мира в мире нереальном — интернете, фильмах, кни-

гах, снах. Постепенно они теряют свои социальные навыки и контакты. Многие *хикикомори* становятся *отаку* — людьми, крайне одержимыми каким-нибудь интересом, чаще всего анимэ и манга. В дневное время они спят, а вечером или ночью, когда шанс встретиться с кем-то лицом к лицу меньше, могут выйти из комнаты на кухню или даже на улицу, чтобы купить что-нибудь в ближайшем торговом автомате. Часто родителям приходится общаться с ребенком через дверь и у нее же оставлять еду для затворника. Комнаты *хикикомори* заполнены пластиковыми пакетами с мусором и бутылками с экскрементами. Окна плотно закрыты, чтобы не пропускать внутрь солнце. *Хикикомори* обычно не придают значения своему внешнему виду и не следят за гигиеной.

Свое время *хикикомори* проводят, смотря телевизор, играя в компьютерные игры, исследуя просторы интернета, читая или совершая покупки в онлайн-магазинах. В тоже время *хикикомори-отаку*, которые отличаются наличием более тяжелой формы отказа от восприятия реального мира, чаще всего проводят ночи напролет, смотря анимэ, читая манга и покупая связанный с ней мерчендайз, на который уходит большая часть получаемых от родителей денег. В данном случае способствует продолжительной изоляции от общества и тот факт, что в Японии родителям позволено материально содержать своих взрослых детей в течение неопределенного срока. Но даже те из *хикикомори*, кто не получает поддержки от семьи, могут спокойно прожить на пособие по безработице. Более того, многие *хикикомори* зарабатывают себе на жизнь сами, выполняя удаленную работу онлайн и получая зарплату переводами на веб-кошельки или кредитные карты. Стоит отметить, что участие в трудовой деятельности является одним из главных признаков, отличающих *хикикомори* от западных NEET (Not in Education, Employment, or Training).

Хотя в большинстве случаев *хикикомори* довольно безобидны и даже беспомощны, известны случаи проявления ими агрессии в отношении своих родителей или окружения. На форумах они часто пишут негативные посты в адрес родителей, а в реальной жизни даже угрожают им. Так, ос-

нователь КНЖ Масаюки Окуяма и его жена подвергались нападениям со стороны своего сына и в конце концов вынуждены были переехать от него в отдельную квартиру. А в 2000 году 17-летний *хикикомори* взял в заложники целый автобус и даже убил человека, обидевшись на своих родителей, направивших его на лечение¹¹. Этот случай привлек к проблеме *хикикомори* внимание широкой общественности и заклеил затворников в ее глазах как агрессивных и склонных к насилию. Преступления, приписанные *хикикомори*, впоследствии еще больше закрепили этот статус за затворниками, а их семьи на всю жизнь получили стигму основных виновников социальной самоизоляции.

Таким образом, в Японии *хикикомори* считают не только бесполезными для общества и экономики страны, но и ментально нестабильными и потенциально опасными.

Проблемы реабилитации

По всей Японии созданы центры поддержки *хикикомори* и их семей, такие как сеть поддержки КНЖ. Их целью является распространение информации, запрос поддержки со стороны властей и создание арены для родителей, которые желают бороться с проблемой¹².

Также существует множество сайтов, например, www.hikikomori-tokyo.jp, где молодые затворники могут найти полезную информацию о том, как выйти из сложившейся ситуации. В реабилитационных учреждениях для страдающих от синдрома *хикикомори* запущены программы ресоциализации молодежи, изолировавшей себя от общества.

Несмотря на это, существует множество проблем на пути *хикикомори* к нормальной социальной жизни. Первым препятствием является нежелание родителей признавать существование проблемы. Это, как уже было сказано ранее, связано со стигмой, накладываемой японским обществом на всякое явление или действие, отклоняющееся от нормы.

Другой серьезной проблемой является то, что возвращение к нормальной жизни не хотят сами пациенты. В своих блогах в интернете они пишут, что выбрали затворничество,

потому что не хотят идти по пути большинства — учиться, работать, заводить семью и т.д. Они создают целые форумы для *хикикомори*, где устанавливают свои правила и критерии определения настоящего *хикикомори*, обсуждают свой образ жизни и общаются на интересные им темы. Мало кто ищет на этих форумах поддержку или выход из сложившейся ситуации, в большинстве случаев всех все устраивает. Таким образом, основной задачей, стоящей перед специалистами, является стимулирование и налаживание мотивации возвращения к нормальной социальной жизни. Сотрудники реабилитационных центров посещают семьи *хикикомори* и говорят с ними через дверь комнаты множество раз, иногда процесс растягивается на месяцы и даже годы, пока затворник не решится выйти из комнаты и отправиться вместе со специалистом в реабилитационный центр. Переезд из дома семьи в общежитие центра часто является самым трудным испытанием за всю реабилитацию.

Профессор Гавайского университета Майкл Дзежински, проведя исследование в одном из таких реабилитационных центров под кодовым названием «Школа Такэяма», выяснил, что основной своей задачей специалисты этих центров считают гендерную социализацию пациентов. Так как подавляющее большинство клиентов центра являются мужчинами, главной причиной возникновения синдрома *хикикомори* у человека они считают недостаточную степень маскулинизации мужчин, которые не состоялись как примерные сыновья и достойные члены общества. Однако преобладание мужчин в статистике учета *хикикомори* — результат малого значения, которое придают родители проблеме девочек-*хикикомори*. Мидзухо Исида, владелица одного из реабилитационных центров для *хикикомори*, объясняет преобладание в статистике мужчин так: «В Японии мальчики покидают родительский очаг, а девочки остаются дома. Поэтому мальчики, которые не хотят оставлять родительский дом, воспринимаются как проблема. Так как девочки, которые сидят по домам, когда-нибудь все равно выходят замуж и уезжают, родители не видят проблем в девочках *хикикомори*. Таким образом, девочка становится сначала просто замкнутой,

а впоследствии *хикикомори*, но родители все еще не понимают этого. «Ах, ты остаешься дома, ну и хорошо», думают они»¹³. Получается, что большинство случаев *хикикомори* среди девочек не регистрируются просто потому, что родители не видят в этом проблемы, так как такое поведение не противоречит японскому стандарту феминности. Родители начинают беспокоиться о своих дочерях, только если они демонстрируют агрессию и насилие по отношению к родственникам, то есть ведут себя не в соответствии с традиционными конфуцианскими ценностями и социальной иерархией *иэ**. Таким образом, одной из проблем реабилитации является недостаточное внимание к проблеме женщин-*хикикомори*.

Реабилитационный процесс в учреждении, исследованном Дзежински, включает три стадии, на каждой из которых студент проходит через определенную фазу маскулинизации, все больше и больше соответствуя принятым гендерным нормам. К третьей стадии студенты демонстрируют самостоятельное маскулинное поведение работающего взрослого человека, но на бытовом уровне все еще зависят от сотрудников центра¹⁴. Реабилитационные центры, такие как Такэяма, предоставляют своим студентам возможность трудоустройства в будущем в качестве помощников в небольшом местном бизнесе, например, выращивании томатов. Большинство выпускников, однако, участвуют в таких программах трудоустройства из-за невысоких карьерных ожиданий, имея стигму бывшего *хикикомори*.

Заключение

Синдром *хикикомори*, распространившийся в последние годы среди японской молодежи, в половине случаев развивается на фоне каких-либо психологических заболеваний.

---

* В данном контексте подразумевает японскую семейную систему, где четко расписаны роли главы семьи, наследников, детей и даже умерших. Поведение основывалось на конфуцианских принципах лояльности, благожелательности и сыновней почтительности. Роли разделялись по гендерному признаку. Женщины отвечали за воспитание детей и работу по дому, а мужчины работали на оплачиваемых работах.

Однако, как показали исследования, почти 40% *хикikomори* — это психически здоровые люди. Таким образом, учитывая территориальную привязку данного синдрома, можно сделать вывод, что на развитие синдрома в значительной степени влияют культурные и социальные условия Японии.

Система взаимных ожиданий, укоренившаяся в японском социуме, является одним из главных стрессовых факторов, заставляющих молодых японцев убежать от реальности. Старая система ценностей, когда поступление в престижный университет и получение хорошей работы считались приоритетными целями любого японца, не устраивает нынешнее поколение, воспитанное в эпоху повсеместного проникновения западной культуры, где индивидуальная креативность ценится выше соответствия четким стандартам. Традиционное японское общество, однако, заботится и оберегает прилежных учеников и трудолюбивых работников, но может быть крайне холодно к тем, кто чего-то не достиг. Из-за пренебрежения, с которым японская общественность относится к тем, кто не оправдал ее ожиданий, японские абитуриенты очень боятся провалить вступительные экзамены в университет. Часто такой страх может заставить ребенка закрыться от мира еще до столкновения с реальными трудностями. Статистика показывает, что большинство *хикikomори* ранее имели хорошую академическую успеваемость и ничем не отличались от обычных скромных детей. Оборвав все контакты с окружающими людьми, такие дети запираются в своих комнатах и создают себе свой собственный безопасный новый мир. Часто реальные люди в этом мире заменяются персонажами анимэ, манга или видеоигр. Таким образом, происходит отдаление детей от реальности и погружение в мир иллюзий, из которого им очень трудно выбраться самостоятельно. Чрезмерная опека и потакания со стороны родителей позволяют ребенку оставаться в таком состоянии долгие месяцы и даже годы, а страх перед общественным мнением не позволяет обратиться за помощью к специалистам.

Возьму на себя смелость предположить, что одним из очевидных решений данной проблемы послужат глобализация

и естественное внедрение прозападных либеральных ценностей и взглядов. Традиционные японские ценности будут меняться, и молодое поколение не будет так остро реагировать на жизненные реалии.

---

¹ 斎藤 環. 社会的ひきこもり—終わらない思春期. (Сайто Тамаки. Социальная самоизоляция — бесконечный подростковый возраст). — РНР研究所. 1998. С. 222.

² 川上憲人. こころの健康についての疫学調査に関する研究. (Каваками Норито. Эпидемиологическое исследование о здоровье сердца), 2006. URL: <http://www.ncnp.go.jp/nimh/keikaku/epi/Reports/H18WMHJR/H18WMHJR01.pdf> (дата обращения: 22.04.2015).

³ 内閣府政策統括官. 若者の意識に関する調査 (ひきこもりに関する実態調査). (Генеральный директор по планированию политики кабинета министров. Исследование о сознании молодежи (Исследование хикикомори)). 2010. URL: <http://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/hikikomori/pdf/gaiyo.pdf> (дата обращения: 22.04.2015).

⁴ 全国ひきこもりkhj親の会. (Национальное общество родителей хикикомори). URL: http://www.khj-h.com/tyousa/hikikomori_kouzou.html (дата обращения: 22.04.2015).

⁵ Teo A.R., Gaw A.C. Hikikomori, a Japanese Culture-Bound Syndrome of Social Withdrawal? A Proposal for DSM-5 // Journal of Nervous & Mental Disease, June 2010. — Volume 198. — Issue 6. — P. 446.

⁶ Психология и психиатрия. Дистморфофобия. URL: <http://psihomed.com/dismorfofobiya/> (дата обращения: 22.04.2015).

⁷ Mami Suwa, Koichi Hara. 'Hikikomori' among Young Adults in Japan. 医療福祉研究. — 2007. No.3. URL: <http://www2.aasa.ac.jp/faculty/medwelfare/kiyoo/PDF/No3/JWM03-08.pdf>.

⁸ 斎藤 環. 社会的ひきこもり—終わらない思春期 (Сайто Тамаки. Социальная самоизоляция — бесконечный подростковый возраст). РНР研究所. 1998. С. 222.

⁹ Hattori Y. Social Withdrawal in Japanese youth: A case study of thirty-five hikikomori clients // Journal of Trauma Practice. — 2006. — No. 4. — P. 185.

¹⁰ Interview with Hattori Yuichi. The Family Forum Japan No. 7. URL: <https://familyforumjapan.com/7/> (дата обращения: 10.04.2013).

¹¹ Lars N. Hikikomori — a Generation in Crisis. Master Thesis in Japanese. Institute of Cultural Studies and Oriental Languages (IKOS), University of Oslo, 2009. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/>

[handle/10852/24234/HIKIKOMORIxMASTERxaxgenerationxinxcrisis.pdf?sequence=4](http://hdl.handle/10852/24234/HIKIKOMORI%20MASTER%20x%20generation%20in%20crisis.pdf?sequence=4) (дата обращения: 22.04.2015).

¹² 全国ひきこもりkhj親の会. (Национальное общество родителей хикикомори). URL: http://www.khj-h.com/tyousa/hikikomori_kouzou.html (дата обращения: 22.04.2015).

¹³ Dziesinski M. From Failed Sons to Working Men: Rehabilitating Hikikomori, Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association. Boston, MA, 2008.

¹⁴ Ibidem.

Мужчина и женщина: от Лелуша до Куросавы

Аннотация

В статье анализируются подходы режиссеров К. Лелуша и А. Куросавы к проблеме взаимоотношений мужчины и женщины. На основе сопоставления фильмов раскрывается специфика видения режиссерами любовной линии, образа мужчины, образа женщины.

Ключевые слова: кинематограф, японское кино, Куросава, Лелуш.

Одной из основных тем мирового кинематографа является любовь мужчины и женщины. Выдающийся японский режиссер Куросава Акира имел свое видение данной темы. Сравнение взгляда японского режиссера с тенденциями европейского и американского кинематографа представляется интересным, поскольку позволит лучше понять творчество А. Куросавы и в какой-то степени японскую идентичность. В статье проводится сравнение фильмов Куросавы Акиры «Гений дзюдо» (1943), «Плохие спят спокойно» (1960), «Красная борода» (1965) с фильмом французского режиссера Клода Лелуша «Мужчина и женщина» (1966), в котором ярко проявлен западный взгляд на данную тему. Сравнение проводится по трём направлениям: любовная линия фильмов, образ мужчины, образ женщины.

Прежде всего, необходимо отметить, что в фильме К. Лелуша «Мужчина и женщина» любовь является главной темой. Фильм повествует о встрече двух одиноких людей: мужчины, потерявшего жену, и женщины, муж которой погиб (в главных ролях снялись актеры Анук Эме и Жан-Луи Трентиньян). Каждая выходная героиня навещают своих ма-

леньких детей, которые учатся в закрытой школе. Он приезжает к сыну, она — к дочери. В одно из посещений герои знакомятся. Фильм посвящен развитию их отношений, тому как в жизнь одиноких людей пришла новая любовь. Остальные сюжетные линии, связанные с жизнью, детьми, работой героев, являются второстепенными.

Можно привести много примеров из европейского и американского кинематографа, где любовь также является главной темой («Сабрина», «Брак по-итальянски», «Титаник»). Это фильмы прежде всего о любви.

Специфичность взгляда А. Куросавы заключается в том, что в его фильмах любовная история никогда не выходила на первый план, а наоборот, являлась сопутствующей темой. Какая тема была главной? Одной из главных тем его фильмов было духовное преображение мужчины. Поскольку главными героями режиссера были мужчины, а сюжеты были посвящены их духовному пути, творческую манеру Куросавы называли «мужская манера»¹. По мнению известного кинокритика Сато Тадао, А. Куросава воплощал на экране образ мужчины, который отличается мужественностью². Мужественность состояла из двух элементов. Первый элемент — физическая сила. Мужчина в фильмах А. Куросавы постигал некое искусство, которое делало его физически сильным (дзюдо, владение мечом, жизнь в сибирской тайге). Второй элемент мужественности — духовная сила, верность принципам. Герои А. Куросавы духовно развивались и в результате этого развития их сознание, отношение к жизни и людям менялось. Герой предпочитал погибнуть, но не отказывался от своих принципов.

Достижение идеала мужественности и неотделимое от него духовное преображение мужчины находится в центре внимания режиссера во всех трех фильмах.

В фильме «Гений дзюдо» главный герой Сугата Сансиро (актер Фудзита Сусуму) постигает искусство дзюдо. Приступая к изучению борьбы, Сугата думает только о своих будущих победах и успехах, но после достижения просветления для него открывается духовный смысл дзюдо — постоянное нравственное самосовершенствование, «путь гибкости»,

«искусство взаимоотношений»³, использование борьбы во благо других людей. Сопутствующей сюжетной линией является любовь Сугаты к дочери своего соперника на состязаниях.

В фильме «Плохие спят спокойно» герой по имени Ниси (актер Мифунэ Тосиро) борется с могущественной мафиозной корпорацией, которая сначала вовлекла в свои махинации, а затем довела до самоубийства его отца. Куросава исследовал духовный путь главного героя. Если в начале фильма Ниси движет стремление к личной мести, то затем его целью становится справедливость. Он хочет, собрав доказательства преступлений корпорации, передать преступников правосудию. А любовь Ниси к дочери мафиозного босса является важной, но второстепенной линией фильма.

В фильме «Красная борода» показан духовный путь молодого врача Ясумото (актер Каяма Юдзо), который после окончания обучения был назначен в больницу для бедных. Молодой человек воспринимает это обстоятельство как личную трагедию, поскольку собирался стать врачом сёгуна. Он стремится к успешной карьере и обеспеченной жизни. Однако в процессе ежедневной работы в больнице, общения с пациентами он проникается сочувствием к ним, его сознание меняется. Ясумото начинает рассматривать свою работу как служение, а не средство зарабатывания денег. В фильме есть и любовная линия, посвященная отношениям молодого человека с невестой.

Таким образом, во всех фильмах любовная линия является сопутствующей.

Остановимся на мужских образах фильмов. Персонаж Жана-Луи Трентиньяна — смелый, сильный человек, по профессии гонщик, одновременно способный на нежные чувства. Он выражает свою любовь к героине Анук Эме, борется за неё, демонстрирует своим отношением, насколько ему дорога эта женщина. К. Лелуш не ставит своего героя в ситуацию выбора между долгом и любовью. В жизни героя органично сочетаются взаимоотношения с героиней и увлеченность опасной работой.

В творчестве Куросавы ситуация сложнее. В большинстве фильмов режиссера были изображены мужчины — самураи,

для которых верность долгу всегда была выше любви к женщине (причем не важно, в какую эпоху жил герой)⁴. Герои фильмов, которые анализируются в данной статье, также относятся к этому типу. Во всех трёх фильмах А. Куросава ставит героев в ситуацию выбора между долгом и любимой женщиной, чтобы показать, насколько герои преданы своему долгу, от чего они готовы отказаться ради него и чем могут пожертвовать.

Сугата Сансиро («Гений дзюдо») узнаёт, что на соревнованиях, от которых зависит честь школы дзюдо, его соперником будет отец любимой девушки Саё Мирай (актриса Тодороки Юкико). Он начинает думать о чувствах девушки, о том, что если он победит или травмирует её отца, она, скорее всего, не захочет его больше видеть. Он чувствует, что не может принять поединок. И только когда старый монах напоминает ему об опыте просветления, Сугата осознаёт, что его долг — сразаться, идёт на поединок и побеждает.

Ниси («Плохие спят спокойно») также оказывается в ситуации выбора. В начале фильма он женится на дочери своего врага Ивабути Ёсико (актриса Кагава Кёко), чтобы войти к нему в доверие, но затем понимает, что искренне её любит. Он осознаёт, что не может использовать жену как орудие мести. В то же время он не может отказаться от борьбы за справедливость ради любимой женщины, личного счастья и спокойной семейной жизни. В конце фильма герой погибает, но не отказывается от своего долга и принципов.

Доктор Ясумото («Красная борода») также вынужден выбирать между своей невестой Масаэ (актриса Найто Ёко) и долгом. Приняв решение остаться в больнице для бедняков и вести скромную жизнь, он переживает, что Масаэ может не понять его, поскольку она привыкла к комфорту и достатку в родительском доме. Однако после раздумий Ясумото решает порвать с невестой, если она не будет разделять его взгляды на жизнь.

Таким образом, герои всех трёх фильмов, оказавшись в ситуации выбора между любовью к женщине и долгом, выбирают долг. Подобный выбор героев был важен для Куросавы, поскольку соответствовал его идеалу мужественности.

Другое важное отличие фильмов — образы женщин и место женщины в любовной истории. В традиции западного кинематографа женщина является равноправным партнером мужчины. Неслучайно фильм Лелуша называется «Мужчина и женщина». Героиня, которую играет Анук Эме, занимает равное положение с героем. В фильме показывается, как зарождались чувства обоих героев, какие душевные переживания они испытывали, как развивались их отношения. Внимание режиссера распределялось между героиней и героем. Женщина в фильме активно проявляет свои чувства, она первая признается в любви герою в телеграмме, поздравляя с удачным выступлением в гонках. Она же позже принимает решение расстаться, испытывая сомнение в своем чувстве к герою.

Творчество А. Куросавы представляет собой совершенно иной подход. Женщины были второстепенными героями его фильмов. А. Куросава говорил о них: «Не хочу рисовать таких женщин, которых можно встретить на каждом шагу. Поэтому в моих фильмах выведены либо женщины чистые, словно нарисованные на картинке, либо сложные, необыкновенные характеры. Середины у меня нет»⁵. В соответствии с его видением женских образов, во всех трех фильмах показаны женщины первого типа — молодые, преданные и любящие.

Женщины в фильмах Куросавы являлись средством духовной трансформации мужчин. Он уделял внимание тому, как мужчина изменяется под влиянием женщины и любви: все герои-мужчины становятся благодаря женщинам мягче, эмоциональнее, более милосердными. Однако режиссер игнорировал изменение героинь под влиянием чувств, женщины оставались в его фильмах статичными. Все три героини фильмов не проявляли открыто свою любовь к героям, не показывали душевные переживания. В отношениях с героями они были ведомыми, решающая роль во взаимоотношениях принадлежала мужчинам.

Саё Мирай, которая любит Сугату, принимает и понимает его решение сражаться с её отцом на соревнованиях, она не держит на него обиды из-за их поединка. В конце фильма, когда Сугата уезжает путешествовать, чтобы набраться опы-

та, она никак не выражает свою печаль при расставании с ним и не просит остаться, чтобы его не огорчать.

Ивабути Ёсико, жена Ниси, понимая, что муж что-то скрывает от неё, не пытается поговорить с ним откровенно, как сделала бы «западная женщина», но узнав о борьбе, которую Ниси ведет с её отцом, встает на сторону мужа.

Масаэ, невеста доктора Ясумото во всем поддерживает своего жениха. Когда во время церемонии помолвки он прямо говорит ей о своем намерении посвятить жизнь лечению бедняков и о том, что им придется жить на его скромное жалование и забыть о комфорте, она лишь молча кивает головой и улыбается.

Важное отличие между фильмом Лелуша (и западного кино о любви в целом) и творчеством Куросавы наблюдается в отношении к теме секса. Западный кинематограф демонстрировал внимание к данной теме (в фильме К. Лелуша также присутствует сцена в постели), в то время как Куросава придерживался консервативных позиций как в годы наличия строгой цензуры в Японии, так и во время её ослабления. Несмотря на богатые эротические традиции японского искусства, он избегал изображения сексуальных сцен и не считал секс объектом творчества. Во всех трёх фильмах также отсутствуют подобные сцены.

Примечательно, что если в фильме К. Лелуша показаны переживания героя, связанные с сомнением в том, любит ли его героиня, то в фильмах А. Куросавы подобный мотив отсутствует. Герои уверены в наличии любви к ним со стороны женщин. На наш взгляд, данное обстоятельство объясняется твердым убеждением А. Куросавы, что герой фильма должен быть действующим, активным, вдохновлять зрителей. Человек, страдающий от несчастной любви, не отвечал этой творческой задаче, поэтому не рассматривался Куросавой как герой его фильмов⁶.

Таким образом, сопоставление фильмов А. Куросавы «Гений дзюдо», «Плохие спят спокойно», «Красная борода» с фильмом К. Лелуша «Мужчина и женщина» показало, что два великих режиссера по-разному изображали взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Если в фильме К. Лелуша

любовь является главной темой, то для японского режиссера она только второстепенная сюжетная линия, сопутствующая главной теме — духовное преображение мужчины.

Главный герой фильма «Мужчина и женщина» — мужественный человек, который тем не менее способен выражать свои чувства к любимой женщине, быть нежным и мягким. Герои фильмов А. Куросавы прежде всего преданы своему долгу. Они понимают его по-разному: сражение во благо других людей, борьба за справедливость, бескорыстное служение пациентам. Они готовы пожертвовать ради долга любимыми женщинами. Режиссер не акцентировал внимание на том, как его герои проявляют чувства к женщинам.

Главная героиня фильма «Мужчина и женщина» является равноправным партнером героя, она активна в их взаимоотношениях. Женщины из фильмов А. Куросавы — второстепенные персонажи, они не выражают свои чувства открыто, как это делает героиня Анук Эме, и не меняются под воздействием любви, при этом они оказывают влияние на духовную трансформацию мужчин.

Отличия в подходах К. Лелуша и А. Куросавы к проблеме взаимоотношений мужчины и женщины были обусловлены как особенностями культур, к которым принадлежали режиссеры, так и индивидуальной творческой манерой каждого. Однако это не умаляет высокой художественной ценности их фильмов, которые позволяют зрителям разных стран постичь данную проблему многогранно и найти мотивы, созвучные с собственными переживаниями.

---

¹ Акира Ивасаки. История японского кино. — М.: Прогресс, 1966. С. 182.

² Сато Тадао. Кино Японии. — М.: Радуга, 1988. С. 19—20.

³ Штейнер Е.С. «Гений дзюдо» — Куросава начинается // Культурологический журнал. 2011. № 2. (4). URL: www.cr-journal.ru/rus/journals/64.htm (дата обращения 15 мая 2014).

⁴ Сато Тадао. Указ. соч. С. 8—9.

⁵ Акира Куросава. — М.: Искусство, 1977. С. 187.

⁶ Акира Куросава. Под стук трамвайных колес. Киносценарии. — М.: Искусство, 1973. С. 141—142.

Хохлова А.А.

Роль Партии справедливости и развития в событиях «арабской весны» в Марокко

Аннотация

В работе рассматривается результат победы на парламентских выборах исламистской Партии справедливости и развития в 2011 г. в Марокко. Это событие расценивается автором настоящей статьи как фактор, способствовавший укреплению политической ситуации и монархического режима во время «арабской весны». Среди основных положений для выдвижения данного тезиса выделяются особенность марокканского махзена, идеология и место партии в политическом курсе короля.

Ключевые слова: исламистская партия, «арабская весна», либерализация, Марокко.

К началу «арабской весны» Королевство Марокко было в числе первых кандидатов на революцию в странах Северной Африки по социально-экономическим показателям¹. Так, около четверти молодого населения не имели возможность найти работу, соответствующую академической квалификации². Более того, индекс коррупции по стране по статистике WDI определялся 3,6 баллами из 10, что ниже среднего показателя коррумпированности по миру³. Несмотря на социально-политическую нестабильность, манифестанты выступали за смену «плохих советников трона», в число которых входили представители нижней палаты парламента, но чётко обозначили свою позицию за сохранение королевской власти.

Досрочные парламентские выборы в ноябре 2011 г., прошедшие по инициативе короля Мухаммеда VI, привели един-

ственную системную исламистскую Партию справедливости и развития (ПСР) в Марокко к неоспоримой победе. Она получила 106 из 365 мест, т. е. большинство, в Палате представителей, а в соответствии с новой поправкой к конституции 2011 г. ст. 47, лидер партии А. Бенкиран занял должность премьер-министра страны⁴.

Вот уже более трех лет правительство последнего созыва находится у власти и продолжает следовать либеральному курсу короля. Это объективно указывает на согласие в политике королевского двора и Палаты представителей, ведь по ст. 47 конституции монарх имеет право распустить неудобное правительство⁵. В то же время местные СМИ критикуют новый созыв законодательного органа за низкий экономический рост и провальные социальные реформы. В связи с этим возникает вопрос, как повлиял фактический приход исламистов к власти на политическую систему и режим Королевства Марокко.

Затрагивая проблему роли исламистов во власти, важным представляется изданный в 2005 г. труд Х. аль-Авади «В погоне за легитимностью. "Братья-мусульмане" и Мубарак, 1982—2000»⁶. В нем автор рассматривает весьма схожую с марокканской ситуацию в Египте, когда движение «Братьев...», принимая участие в парламентских выборах, становилось, таким образом, одним из участников и даже отчасти двигателем процесса либерализации в стране. Обоснования для данных выводов были следующие: светские египетские партии не были столь популярны, как «Братья-мусульмане», а правящая Национально-демократическая партия неизменно получала около 90% голосов на выборах. Участие «Братьев-мусульман» в парламентских выборах, с одной стороны, создавало видимость демократической процедуры, а с другой, позволило египетским властям поставить под контроль это исламистское движение.

Учитывая схожесть двух ситуаций с точки зрения слабости светских партий (не считая партий-лидеров), наличия представителей исламистских партий, а также сильной власти правителей, выводы, сделанные Х. аль-Авади, представляется возможным проверить на марокканском опыте.

Особенности алауитского махзена

Рассматривая алауитский махзен как совокупность институтов власти, нельзя не отметить, что его сложение во многом отвечает политическим запросам крайних правых.

Королевская семья имеет важное политическое и духовное значение для всего марокканского населения. Король Марокко, династия которого берет начало еще с середины XVII в., остается единственным в арабском мире правителем, который связан прямым родством с пророком Мухаммадом через его племянника Али. Непосредственное родство именно с родом Мухаммада отличает марокканский королевский двор от Хашимитских династий в Иордании и Саудовской Аравии. Более того, с момента утверждения французской колонии на территории Марокко в 1912 г. и до освобождения страны от оккупации в 1956 г. марокканский султан Мухаммад Юсуф (1927—1953 гг., 1955—1961 гг.) выступал предводителем и символом войны за независимость, борющимся за права марокканцев на самоопределение и за сохранение традиционных национальных устоев. Благодаря активному противостоянию оккупации он находил поддержку всех партий королевства.

Эти принципы, согласно которым марокканский правитель является символом независимости марокканцев, полностью разделяются и защищаются исламской ПСР, которая при своем создании официально признала полноту власти за королем, как единственным законным властителем Марокко⁷. Таким образом, позиция системных исламистов и марокканских граждан совпадала с точки зрения сохранения решающей роли монархии в стране и в позиции сохранения режима.

Стоит еще раз отметить, что ПСР — это марокканская системная исламистская партия умеренного толка. По определению А. Баята, «исламистской» она может называться тогда, когда ориентирована на создание исламского государства, т.е. законодательство страны должно в той или иной степени быть основано на шариате⁸. ПСР четко обозначила готовность построить экономическую модель Марокко,

руководствуясь принципами шариата. В целях достижения политической власти, партия использовала лишь либеральные методы борьбы. Так, первым словом о своей претензии на власть было её участие в демократических выборах в 1997 г. При вхождении в ряды маргинальной берберской партии Национальное конституционное демократическое движение (НКДД) исламистов под руководством А. Бенкирана новые участники политического объединения подтвердили свою лояльность конституции, выразили свое признание легитимности власти короля и приверженность демократическим методам политической борьбы⁹. Таким образом, умеренный характер данной исламской партии проявляется в её отказе от нелегальных методов борьбы и готовности участвовать в открытых демократических процедурах.

Другой важной составляющей политической системы Марокко является метод «управляемой многопартийности», оформившийся в первое десятилетие независимого королевства¹⁰. Он нацелен на создание большого политического спектра Палаты представителей в правительстве с целью не допустить возможности усиления популярных политических партий путём создания серьезной оппозиции режиму. Так, например, король лично выступил инициатором формирования партии берберов Народное движение (НД) не только для отстаивания интересов этноса, но и для ослабления лидирующей на тот момент партии Истикляль (ПИ)¹¹. На деле же, имея проберберскую партию в правительстве, король поставил под обозрение сложно контролируемую часть населения, проживающую в гористой местности и мало поддающуюся государственному контролю. Более того, создание ПСР на условиях лояльности партии режиму и конституции поддерживал всесильный на тот момент, в 1990-х, министр внутренних дел Марокко Дрис Басри, заявляя о ней как о возможной альтернативе социалистам-демократам¹². Наконец, традиционно поддерживаемая религиозным большинством марокканского населения, ПСР является аналогом НД — рычагом контроля над религиозными беднейшими слоями населения. С точки зрения королевского двора, иметь такую партию в политическом спектре нижней палаты

парламента весьма выгодно: с одной стороны, формально представлены интересы бедного класса, с другой — область возможной политической активности ПСР сильно ограничена демократическим курсом короля. В итоге вхождение исламистов в правительство является частью практики управляемой многопартийности.

Таким образом, исламская ПСР успешно адаптировалась под основные устоявшиеся институты алауитского махзена и негласно способствовала его сохранению.

Идеология ПСР

Идеология ПСР менялась с течением времени, и отметить наиболее явные изменения представляется возможным, если сравнить между собой программы партии за 2002—2011 гг.

Наиболее выраженный характер изменений можно проследить на примере предвыборных программ 2002 и 2007 гг. Во-первых, если в программе выборов 2002 г. было изрядно уделено внимание исламистским концепциям и тому, что шариат должен проникать во все сферы жизни общества, то их следующая программа уделяла меньше внимания религиозным аспектам жизни населения¹³. Большая половина составленного текста программы 2007 г. посвящена возможным решениям социально-экономических проблем с помощью демократических методов, аналогично курсу Дворца. Присутствует и приверженность партии исламским концепциям, однако, по мнению Д. Хилла, на ту же важность ориентирования на исламские каноны в социальной и культурной сферах в той же степени указывают и другие правые партии, такие как ПИ¹⁴. Этот факт подтверждает то, что ПСР степенью своей исламизации ничем не отличается от националистов — ПИ.

Более того, исходя из планов существенного расширения демократических свобод в программе 2007 г. и ориентирования на исламские каноны в области науки, культуры и построения экономики на шариате, можно заключить, что целью ПСР накануне выборов было не столько одержать

победу в качестве исламистской партии, сколько победить путем подтверждения своей лояльности курсу правительства, что доказывается больше демократической, нежели исламистской предвыборной программой партии 2007 г.

Анализируя глубину изменений, можно отметить, что программы 2007 и 2011 гг. совпадают с точки зрения важности экономических преобразований, за которые ратовали манифестанты во время событий «арабской весны». О важности экономической составляющей программы исламистов говорит М. Рада, оценивая исламскую ПСР как единственную политическую силу, которая выступала во время «арабской весны» за проведение тех реформ, которые требовали манифестанты¹⁵. Эти реформы касались экономического равенства, ликвидации безработицы и борьбы против коррупции. ПСР была нацелена на ликвидацию экономической отсталости населения и сокращение пропасти между богатыми и бедными. Также он отмечает успешное выполнение обещаний в области экономики и демократических преобразований¹⁶.

В упомянутой работе Дж. Хилл, анализируя программу 2007 г., говорит о ПСР как о партии, «обернувшей себя в плащ демократии», имея в виду её полную демократизацию¹⁷. На взгляд автора предлагаемой работы, не стоит забывать о самоидентификации партийцев. Лидер ПСР А. Бенкиран и другие члены его партии видят свою идеологию и проводимую политику исламистской¹⁸. Причину отсутствия решающей доли религиозных концепций можно объяснить положением Нормативной основы о политических партиях, где в п. 1 ч. 4 сказано, что партия не может быть сформирована по расовому, национальному или религиозному признаку¹⁹.

Таким образом, гибкость программы ПСР объясняется её ориентированностью на удержание власти.

Место ПСР в политическом курсе Дворца

Роль ПСР на сегодняшней марокканской внутренней политической арене является, несомненно, важной. Однако подведенные после 100 дней правления итоги по состоянию

на апрель 2012 г. показали, что ПСР не удалось справиться ни с одной задачей на должном уровне. Так, В.В. Куделев говорит о слабых экономических преобразованиях²⁰, когда А. Ассид заявляет о неспособности ПСР быть политическим локомотивом страны²¹. Недовольство правлением исламистов выразил и сам король. Однако статьей 47 новой конституции 2011 года, разрешающей распустить неугодное правительство, монарх за три года так и не воспользовался. В данной работе предлагается одна из гипотез, объясняющих это соотношение сил.

В Марокко существует традиция приписывания населением государственных бед и неурядиц правительству, оставляя королевский двор вне рамок обвинений. Она формировалась с 1956 по 1962 гг., когда политическая ситуация в королевстве характеризовалась борьбой монарха и ПИ за штурвал управления государством²². Выбранная королем тактика в первый период независимости способствовала формированию традиции обвинения населением во всех политических бедах советников трона, а не Дворец, и базой для нее послужила патерналистская культура марокканцев. Об этом свидетельствует наделение королём де-факто основными полномочиями ПИ в 1959 г., что привело к возложению на неё ответственности за экономические и социальные неурядицы в результате получения независимости, возникшие из-за оттока капитала, а также за кровавое подавление восстания в Рифе. Провалы в политике настраивали население против партии-лидера, оставляя короля вне рамок обвинений.

Подобная патерналистская традиция сохранялась и в течение следующих десятилетий. Не справившись с руководством страной, ПСР, боясь потерять своё лидирующее положение, стала искать поддержки не среди населения, чьи надежды она не оправдала, а у Дворца²³. В итоге критики ее демократической программы избежать не удалось, но тактика способствовала сохранению политического положения как лидера правительства. Приняв на себя шквал обвинений за высокий уровень инфляции и низкий рост ВВП, ПСР вывела королевский двор за рамки обвинений в непродуманности экономической политики государства.

Также нельзя забывать тот факт, что проводимая королём политика интеграции исламистской партии в правительство также полностью обеспечивает Королевству Марокко как минимум видимость демократической политической системы. Будучи зависимым от помощи США, Мухаммад VI вынужден ориентироваться на американское видение политики. Существование хотя и номинального законодательного органа власти с выборным парламентом, широкий спектр внутри Палаты представителей и присутствие в нем партий различного толка и направлений со стороны придают политическому режиму Марокко демократический характер. Хотя де-факто сфера действий ПСР ограничена курсом Дворца, широкий политический спектр Палаты представителей и подавляющее большинство членов исламистской ПСР в ней де-юре доказывают демократичность выбранного монархом курса.

* * *

В заключение представляется возможным еще раз отметить, что ПСР достаточно легко одержала победу на выборах 2011 г. и интегрировалась во власть, обеспечив тем самым стабильность режиму во время событий «арабской весны» в Марокко, ввиду следующих фактов.

Во-первых, на сегодняшний день ПСР — часть алауитского махзена, представляющая собой рычаг управления религиозным большинством и противовес социалистам и демократам в политическом спектре. Так, партия говорит на одном языке с верующим населением и официально и практически поддерживает монархический режим королевства.

Во-вторых, идеология ПСР — это компромисс между демократическими свободами, постепенно насаждаемыми государством, и исламскими запретами, руководящими большинством верующего населения. Так что это приемлемая альтернатива для королевского двора и религиозного населения.

В-третьих, ПСР интегрирована в правительство. В силу неспособности справиться с экономическими неурядицами

и преследуя цель сохранить место у штурвала управления государством, партия мирится с ограниченностью области действий и ориентируется на курс Дворца. Тем самым ПСР обеспечивает слаженность работы правительства и королевского двора, гарантируя Марокко, в-четвёртых, статус демократической монархии.

---

¹ Сухов Н.В. Политическая весна в Марокко // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — С. 237.

² Unemployment, youth male: World Development Indicators. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.MA.ZS/countries> (дата обращения: 1.04.2015).

³ Corruption Perceptions Index: Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/country/#MAR> (дата обращения: 1.04.2015).

⁴ Дахир шариф ракм 1.11. 91 садир мин 27 шаабан 1432 (29 июля 2011) битанфиз насс ад-дустур. (Священный указ номер 1.11.91, опубликованный 27 июля 1432 (29 июля 2011 г.) о приведение в исполнение текста конституции) // Аль-джарида ар-расмия. 28.07.2011. URL: http://www.parlement.ma/images/2011/constitution_ar_2011.pdf (дата обращения: 15.02.2015).

⁵ Ibid.

⁶ Al-Awadi H. In pursuit of legitimacy. The Muslim Brothers and Mubarak, 1982—2000. London.: Tauris Academic Studies, 2005.

⁷ Сергеев М.С. История Марокко. XX век. — М.: Институт востоковедения РАН, 2001. — С. 234.

⁸ Asef Bayat, editor, Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam. New York and Oxford: Oxford University Press, 2013, p. 4—5.

⁹ Сергеев М.С. Указ. соч. С. 244.

¹⁰ Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. — Изд-во Моск. ун-та, 2008. — С. 241.

¹¹ Володина М.А. Берберы Северной Африки: культурная и политическая эволюция (на примере Марокко). — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 48.

¹² Сергеев М.С. Указ. соч. С. 233.

¹³ Hill J. Islamism and Democracy in the Modern Maghreb// Third World Quarterly. — 2011. — Vol. 32. — No. 6. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2011.584723> (дата обращения: 15.02.15).

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Мухаммад Рада. Истиратиджийат ассираа ас-сийасий ма баада дустур 2011. (Стратегия политической борьбы после принятия конституции 2011 г.). URL: <http://www.pjd.ma/> (дата обращения: 20.03.2015).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Hill J. Islamism and Democracy...

¹⁸ Мухаммад Рада. Истиратиджийат ассираа...

¹⁹ Канун танзимий ракм 29.11 ята'алляку би аль-ахзаб ас-сийасийя. (Нормативная основа номер 29.11. о политических партиях) // Аль-джарида ар-расмийя. URL: http://www.pjd.ma/sites/default/files/qnwn_lhzb_.pdf (дата обращения: 2.04.2015).

²⁰ Куделев В.В. О некоторых итогах парламентских выборов в Марокко. Институт Ближнего Востока, 20.03.2015. URL: <http://www.iimes.ru/?p=127> (дата обращения: 15.02.2015).

²¹ Там же.

²² Storm L. *Democratization in Morocco, The Political Elite and Struggles for Power in the Post-Independence State*. Routledge, 2007. — P. 13.

²³ Cavatorta F. *The Jamiat al-Adl wal-Ihsan: Religion, Political Opposition and Stalled Democratization in Morocco*// Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa / Edited by Jeffrey Haynes. — Taylor and Francis, 2010. — P. 162.

Меры поддержки продовольственной продукции префектуры Фукусима и их эффективность

Аннотация

В данной работе автором была рассмотрена деятельность, направленная на поддержку продовольственной продукции из префектуры Фукусима. В этой статье продемонстрировано, что в результате рекламных акций, ужесточения стандартизации и работы с иностранными партнерами удалось улучшить имидж продукции из пострадавшего в 2011 году региона и стимулировать ее экспорт, несмотря на разногласия с другими странами и недопонимание между японским правительством и частными лицами.

Ключевые слова: японские продукты, Фукусима, радиация.

После разрушительной катастрофы на атомной электростанции Фукусима-1 прошло уже пять лет, и за этот период Япония пыталась оправиться от серьезного экономического ущерба. Тем не менее до сих пор присутствует необходимость ликвидировать последствия влияния радиации.

Из-за опасений, касающихся заражения радиацией продуктов питания, произведенных в префектуре Фукусима и других пострадавших регионах, японская экономика понесла большие убытки. Урон, нанесенный рыболовству, сельскому и лесному хозяйству Японии, по некоторым оценкам, составил 23,41 миллиарда долларов¹.

Налаживание и поддержка производства продовольствия в префектуре Фукусима важны не только для улучшения всей японской экономики, но и для самостоятельного восстановления пострадавшего региона. Для этого предприняты различные меры в трех основных направлениях. Во-

первых, для формирования положительного образа товаров из Фукусимы необходимо убедить потенциальных потребителей в их безопасности. Эта часть мер включает в себя комплекс лабораторных исследований качества продукции и кампанию по информированию об их результатах, а также борьбу с предубеждениями против данной продукции. Во-вторых, необходимо стимулировать потребление именно этой продукции, делая акцент как на ее достоинствах, так и на необходимости ее поддержки из чувства солидарности. В-третьих, необходимо увеличить экспорт продукции из Фукусимы, а для этого нужно проводить комплексную работу с иностранными партнерами и в экономической сфере, и в политической.

С самого начала Япония проводила открытую политику информирования о безопасности продукции из Фукусимы. И для того, чтобы продемонстрировать населению Японии и всему миру стремление к обеспечению безопасности продуктов питания, в 2012 году были ужесточены требования к их качеству и максимально допустимому уровню радиации, несмотря на то, что и до этих изменений японские стандарты были строже, чем в США и европейских странах. В соответствии со старыми стандартами, действовавшими до 1 апреля 2012 года, уровень радиации в питьевой воде, молоке и детском питании не должен был превышать 200 Бк/кг, для остальных продуктов допустимый уровень радиации составлял 500 Бк/кг².

В соответствии с новыми стандартами, в случае с питьевой водой в Японии максимально допустимый уровень радиационного загрязнения равен 10 Бк/кг, для молока и детского питания уровень радиации ограничивается 50 Бк/кг, для остальных видов продуктов питания требования мягче — не более 100 Бк/кг. В Европе допустимый уровень радиации намного выше (1000 Бк/кг для питьевой воды и молока, 400 Бк/кг для детского питания и 1250 Бк/кг для прочих продуктов), а в США для всех названных категорий продукции допустимый уровень радиации достигает 1200 Бк/кг. Таким образом, японское правительство дает понять, что даже в случае обнаружения превышения уровня

радиации в продукции в результате проверки необходимо обратить внимание на то, что японские стандарты качества намного выше, и, следовательно, Япония заботится о безопасности своей продукции и о ее потребителях лучше, чем западные страны.

На официальных ресурсах правительственных организаций и префектуры Фукусима можно ознакомиться с отчетами о проведении проверок безопасности продуктов питания, которые публикуются в открытом доступе. Данные проверки на государственном уровне проводятся Министерством здравоохранения, труда и благосостояния, но иногда и частные, независимые организации берут на себя проведение самостоятельных исследований³. На данный момент радиационное загрязнение обнаружено только в 0,08% морепродуктов и 0,87% образцов грибов, выросших в диких условиях (в случае с культивированными человеком грибами радиации обнаружено не было). Также радиации не было обнаружено при исследовании образцов риса, овощей и фруктов⁴.

Согласно исследованию Цубокура Масахару, ученого из Токийского института медицинских наук, именно овощи, выросшие в диких условиях, выловленная в реках рыба и грибы могут представлять наибольшую опасность, поскольку они не подвергаются проверке. Тем не менее исследователь подчеркивает, что продукты из супермаркетов покупать можно, поскольку их исследуют на наличие радиоактивного цезия, прежде чем они поступят в продажу⁵.

Попытки улучшения имиджа продукции из префектуры Фукусима предпринимаются и представителями деловых кругов. Так, в районе Нихонбаси города Токио в апреле 2014 года при поддержке администрации префектуры Фукусима, а также Федерации торгово-промышленных обществ и Ассоциации туристических обменов префектуры, был открыт магазин Midette, продающий продукты питания и сувенирную продукцию, произведенные в Фукусиме⁶.

С целью привлечения внимания к данной продукции и убеждения потребителей в ее безопасности и качестве этот магазин периодически проводит рекламные акции и открытые бесплатные дегустации. Для популяризации подобных акций

(и не только проводимых в данном заведении), иногда участие в них принимают знаменитости и политики, и особенно часто они были задействованы в таких мероприятиях в первые несколько лет после катастрофы. Например, Эдано Юкио, занимавший на тот момент пост генерального секретаря правительства, в качестве акта поддержки фермерам из пострадавшего региона, демонстративно приобрел на рынке клубнику, выращенную в Фукусиме. Также публично, под прицелами камер, Мацумото Такэаки, который тогда являлся министром иностранных дел, пробовал овощи из Фукусимы⁷.

В развитии безопасного производства продовольствия в префектуре Фукусима заинтересованы не только правительство, организации и компании, но и отдельные граждане Японии. Между тем это иногда становится источником недопонимания между правительством и рядовыми японцами. Так, японский фермер Ито Нобуэси проводил ряд замеров уровня радиации с помощью собственных приборов, в том числе с помощью счетчика Гейгера, и обнаружил расхождения с открыто опубликованными результатами⁸. По его утверждению, он не раз пытался отправлять свои результаты замеров в лабораторию Сидзуоки, но его требования объяснить причины такого несоответствия данных не были услышаны. Вследствие этого он обвинял правительство в сокрытии подлинных результатов исследований и введении общественности в заблуждение.

Официальные данные не вызывают доверия и у некоторых торговых партнеров Японии, что неоднократно заставляло Японию обращаться к силе международных институтов с целью восстановления иностранных закупок продовольствия и увеличения экспорта. Чаще всего страны-импортеры предпочитают проводить свои независимые исследования. Так, например, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов Министерства здравоохранения и социальных служб США в год исследует около 31 000 образцов на соответствие требованиям качества и безопасности⁹.

Японии пришлось оказывать давление через Всемирную торговую организацию на Южную Корею и Тайвань, кото-

рые являются крупными импортерами, чтобы добиться от них увеличения объема закупок продовольственных товаров после катастрофы в Фукусиме¹⁰.

Наиболее активные попытки рекламы и продвижения продуктов из Фукусимы внутри Японии и на зарубежные рынки, как и следовало ожидать, предпринимаются местным правительством. В 2015 году в ходе визита иностранной делегации на конференцию ООН по ликвидации риска бедствий для иностранных гостей была проведена экскурсия с целью продемонстрировать усилия, приложенные для ликвидации последствий аварии 2011 года и для обеспечения безопасности производимых товаров¹¹. В частности, члены делегации имели возможность ознакомиться с тем, как сотрудники Института агрокультурных технологий Фукусимы проводят исследования местной продукции: рыбы, птицы и овощей.

Также гости посетили местную фабрику по производству школьных завтраков, которая в день выпускает более 3000 единиц продукции. Особое внимание акцентировалось на тщательном контроле качества и безопасности образцов продукции, к результатам которого может получить доступ любой желающий, и в первую очередь — родители школьников, которым данная информация рассылается в индивидуальном порядке.

Японская организация внешней торговли (JETRO) также проводит нацеленные на зарубежную аудиторию мероприятия по продвижению японской продукции из Фукусимы. Основной формой этих мероприятий являются встречи и конференции с участием иностранных предпринимателей, а также исследования. Одним из первых таких мероприятий была встреча с представителями местного бизнеса в Таиланде в 2013 году, участниками которой стали представители около 130 компаний. В результате этой встречи удалось выяснить, что отношение тайских предпринимателей к японской продукции в целом положительное. Среди последних мероприятий можно отметить выставки Thaifex 2015 в Таиланде, а также HOFEX 2015 и Food Expo 2015 в Гонконге¹².

Помимо работы над имиджем японских продуктов питания и развития связей с иностранными партнерами, JETRO

занимается исследовательской деятельностью. Так, например, JETRO были проведены и опубликованы исследования, касающиеся отношения к японским блюдам и продуктам за рубежом.

В ходе опроса 2014 года респонденты должны были выразить свое общее впечатление от японской еды, выделив только одну характеристику. Примечательно, что меньшая доля опрошенных выделила отрицательные качества японской еды как основные — только 28,1 %, при этом 18,1 % из них подчеркнули высокие цены. Из всех респондентов только 3,3 % ответили, что японская еда для них прежде всего является небезопасной.

Напротив, 7,4 % ответивших заявили, что японская еда, по их представлениям, в первую очередь является безопасной, а 21,3 % отметили, что японская еда представляется им полезной для здоровья¹³. Таким образом, на данный момент зарубежные потребители не испытывают значимых опасений по поводу качества японских продуктов и относятся к ним в целом положительно.

Для оценки того, насколько эффективным было взаимодействие с иностранными потребителями и странами-закупщиками, необходимо обратиться к данным, касающимся объема экспорта продуктов питания в период с 2013 года по настоящее время, поскольку приблизительно с 2013 года Япония начала работать в этом направлении. Согласно статистике JETRO (см. таблицу 1), на конец 2010 года объем экспортированной продовольственной продукции составлял 4,63 миллиарда долларов, а к концу 2011, после природно-техногенной катастрофы в Фукусиме он сократился до 4,49 миллиардов долларов (то есть уменьшился на 3 %). В 2012 году тенденция к снижению сохранялась. Именно с 2013 года объем экспорта продовольственной продукции из Японии начинает увеличиваться, и этот рост сохраняется до сих пор. К концу 2015 года объем экспорта составил уже 4,95 миллиарда долларов.

Но основное достижение мер по улучшению имиджа продовольствия из префектуры Фукусима — это изменение отношения к этим продуктам среди самих японцев. Если

**Изменение объема японского экспорта
продовольственной продукции, млрд долл., 2010—2015 гг.**

Год	Экспорт продовольственной продукции
2010	4,63
2011	4,49
2012	4,46
2013	4,48
2014	4,56
2015	4,95

Источник: Export by principal commodity // Japan's International Trade in Goods (Yearly). URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (дата обращения 21.10.2016).

сравнить результаты опросов общественного мнения за последние два года, можно увидеть устойчивую тенденцию к улучшению отношения к данной продукции. В ходе опроса, проведенного в августе 2014 года 19,6 % опрошенных заявили, что не желают покупать продукты питания, произведенные в префектуре Фукусима. Ровно через год эта доля респондентов уменьшилась до 17,2 %, а в феврале 2015 года доля опрошенных, опасаящихся покупать продукты из Фукусимы, составляла 15,7 %¹⁴.

Таким образом, предубеждения против продукции, произведенной в префектуре Фукусима, по-прежнему остаются и продолжают влиять как на международную торговлю, так и на потребление самих японцев. Недоверие к результатам исследований и неуверенность в системе контроля безопасности все еще присутствуют. Тем не менее, благодаря усилиям центральных правительственных органов, местной администрации Фукусимы, JETRO, опасения перед данной продукцией уменьшаются, ее имидж как у японских, так и у зарубежных потребителей сейчас достаточно положительный, поэтому в обозримом будущем вполне вероятно, что Фукусима снова станет крупным регионом-поставщиком

продуктов питания. При этом наиболее эффективными в борьбе за доверие потребителей оказываются именно PR-кампании, связанные с чьим-либо личным примером, взаимодействием публичных лиц. Также достаточно действенны акции, связанные с возможностью лично ознакомиться с продукцией и узнать больше о процессе ее производства. Что касается попыток убеждения потребителей в безопасности продукции путем проведения исследований и жесткой стандартизации, в этой области между государством и потребителями (как японцами, так и иностранцами) иногда возникает недоверие, основанное на неуверенности в релевантности публикуемых результатов.

---

¹ Shaw R. Tohoku Recovery: Challenges, Potentials and Future. — Kyoto: Springer Japan, 2015. — P. 28.

² Bachev H., Ito F. Fukushima nuclear disaster — implications for Japanese agriculture and food chains // MPRA Paper No. 49462, posted 3. September 2013. — P. 21.

³ Boilley D. Fukushima five years later: back to normal? / France: AKRO, 2016. — P. 37.

⁴ Monitoring results of agricultural, forestry and fishery products from Fukushima Prefecture: Inspection results from April 2015 to March 2016 // Fukushima Prefectural Government. URL: <http://www.pref.fukushima.lg.jp/site/portal-english/en01-01.html> (дата обращения 14.5.2016).

⁵ Food not checked for radiation poses risk in Fukushima: study // The Japan Times News. June 17, 2014. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/06/17/national/food-checked-radiation-poses-risk-fukushima-study/#.VxOoojHr6hr> (дата обращения 7.5.2016).

⁶ 魅力を“見でって” 福島県のアンテナショップ、日本橋に開店 (Прийти, чтобы увидеть очарование специализированного магазина префектуры Фукусима, открывшегося в Нихонбаси) // Токуо МХ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Yi4djdPVq3g> (дата обращения 16.5.2016).

⁷ Please eat the vegetables, Japan tells radiation-wary nation // The Washington Post. April 15, 2011. URL: https://www.washingtonpost.com/world/please-eat-the-vegetables-japan-tells-radiation-wary-nation/2011/04/15/AFkOfmkD_story.html (дата обращения 7.5.2016).

⁸ Fukushima crisis goes global // Science and society. — 2014. — № 61. — P. 9.

⁹ FDA Response to the Fukushima Dai-ichi Nuclear Power Facility Incident // U.S. Food and Drug Administration. URL: <http://www.fda.gov/NewsEvents/PublicHealthFocus/ucm247403.htm#food> (дата обращения 16.5.2016).

¹⁰ Heyes J.D. Japan Asks Globalist Trade Organization (WTO) to Force South Koreans to Eat Radioactive Fukushima Food // Global Research. — 2015. URL: <http://www.globalresearch.ca/japan-asks-globalist-trade-organization-wto-to-force-south-koreans-to-eat-radioactive-fukushima-food/5452775> (дата обращения 14.5.2016).

¹¹ Fukushima Uses UN Conference to Promote Its Food Safety // Voice of America, March 19, 2015. URL: <http://www.voanews.com/content/fukushima-uses-un-conference-to-promote-its-food-safety/2686593.html> (дата обращения 23.4.2016).

¹² Business talks on Japanese agricultural, fishery and food products in Thailand. First matching event focusing on four items with great potential (beef, sea food, fruit and Japanese sake) // JETRO, 2013. URL: https://www.jetro.go.jp/en/jetro/topics/1308_topics2.html (дата обращения 3.5.2016).

¹³ Results of JETRO's Survey on Japanese Foods Directed at Overseas Consumers — Japanese dishes rank top as most popular foreign cuisine in six-city survey of emerging markets // JETRO, 2014. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/2014/20140328186-news.html> (дата обращения 3.5.2016).

¹⁴ Fukushima food products still shunned by 15 percent of consumers // The Mainichi. March 11, 2016. URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20160311/p2a/00m/0na/021000c> (дата обращения 24.4.2016).

Потаева А.Д.

Сотрудничество КНР со странами Центральной Азии в сфере образования как способ достижения национальных интересов Китая (на примере Кыргызской Республики и Республики Казахстан)

Аннотация

Образовательное сотрудничество весьма успешно используется Китаем для реализации его национальных интересов и трансляции своих цивилизационных ценностей в Центральной Азии. В свою очередь, страны региона, формально являясь равноправными партнерами данного сотрудничества, не обладают столь обильными ресурсами и стратегиями для использования «мягкой силы» в отношении КНР. До сих пор они являются, скорее, реципиентами инициатив и помощи Китая.

Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, мягкая сила, образование.*

Распад СССР повлек за собой геополитические изменения на азиатском пространстве, связанные с приобретением суверенитета и статуса субъектов международных отношений бывшими советскими республиками, — формируется регион Центральной Азии. Контакты Китайской Народной Республики с субъектами региона, раньше рассматриваемые лишь в контексте китайско-советских отношений, приобретают новый характер. После распада Советского Союза увеличивается значение Центральной Азии для Китая, и, соответственно, поступательно возрастает внешнеполитическая активность КНР.

Интересы Китая в Центральной Азии изменялись с течением времени и на данный момент охватывают целый ряд областей.

1) Безопасность. После обретения независимости государствами ЦА основным приоритетом КНР было определение и укрепление границ. С 1994 по 2002 гг. были подписаны соглашения о демаркации с приграничными государствами — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном — и, таким образом, погранично-территориальный вопрос утратил статус угрозы. В настоящее время одной из основных целей региональной политики КНР является проблема уйгурского сепаратизма и угроза терроризма. Китай считает, что развитие отношений со странами ЦА будет содействовать улучшению социально-экономической ситуации, повышать уровень жизни в «проблемных» регионах, в частности Синьцзяне, что впоследствии должно предотвращать распространение и развитие экстремистских идеологий. Сотрудничество важно для обеспечения безопасности в регионе, которая напрямую связана с безопасностью в стране.

2) На первый план выходят экономические интересы Китая, связанные со сбытом готовой продукции, поиском источников сырья и энергоресурсов для промышленности.

3) Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии должно оказать содействие экономическому развитию западных районов КНР, т.е. помочь Китаю в осуществлении «стратегии освоения Запада».

4) Регион Центральной Азии также может рассматриваться как транзитная территория для связи Китая со странами Европы, Ближнего Востока и Южной Азии.

Политика Китая в регионе в основном опирается на двусторонний формат сотрудничества, однако в последнее время КНР развивает и многостороннее взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Одной из основных целей сотрудничества Китая в ШОС также можно назвать обеспечение безопасности сухопутных границ государства, страны совместно осуществляют борьбу с «тремя силами зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм).

Также в качестве одного из интересов Китая выделяют «Новое пространство для экономического развития. Китай стремится наращивать объемы сотрудничества с членами ШОС, стимулировать развитие территорий в северо-западной части страны, расширить внешнеэкономические связи, диверсифицировать источники стратегических ресурсов»¹.

Таким образом, сотрудничество в ШОС можно рассматривать, как возможность Китая получить доступ к энергетическому сырью, черным и цветным металлам — в рамках организации также ведется сотрудничество в энергетической сфере.

Система образования, принятая в Китае, значительно отличается от других стран, сотрудничество со странами Центральной Азии в области образования, как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС, поможет адаптировать китайскую систему не только к региональным системам, но и к общемировым образовательным стандартам.

Важным элементом в китайской политике также является инвестиционная деятельность Китая. Инвестиции преимущественно направляются в добывающие отрасли, строительство дорог и инфраструктуры. Это особенно заметно в контексте построения Китаем нового Шелкового пути XXI века. КНР инвестирует большие средства на строительство дорог, высокоскоростных магистралей, на разработки месторождений и строительство заводов, способных перерабатывать сырье в тех странах Центральной Азии, по территории которых проходит маршрут Шелкового пути. Однако также Китай вкладывает средства и в сферу образования. На территории государств Центральной Азии открываются Институты Конфуция, центры и классы китайского языка, оборудованные современной техникой и новейшими материалами, проводятся различные мероприятия, выставки и мастер-классы. Все образовательные заведения и мероприятия почти полностью финансируются китайской стороной.

Таким образом, сотрудничество Китая со странами ЦА ведется по нескольким направлениям и охватывает разные сферы. Для реализации своих интересов КНР использует различные инструменты, одним из которых можно считать

«мягкую силу». Этот термин был введен Джозефом Наем и используется, чтобы описать способность стран добиваться своих целей, привлекать и убеждать мирным способом, без применения силы, в то время как «твердая сила» — способность принуждать, опираясь на военную силу или экономическую мощь². «Мягкая сила» подразумевает продвижение привлекательного политического и экономического имиджа государства, его культуры, инновационных достижений. Вся деятельность осуществляется мирным путем, на основе принципов взаимоуважения и равноправия. Эффективное использование «мягкой силы» позволяет добиться повышения конкурентоспособности страны на мировой арене. Однако у Китая своя концепция «мягкой силы», не предполагающая полный отказ от «твердой силы» — «мягкая сила» должна выступать в качестве опоры и разумного регулирования «твердой силы». «Мягкой силой» оказывается мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы»³. Таким образом, укрепление «твердой силы» можно компенсировать увеличением «мягкой силы». «Мягкая сила с китайской спецификой» сочетает в себе разные подходы к достижению национальных целей. Китай использует элементы «твердой силы», т.е. свою экономическую мощь посредством инвестиционной политики, чтобы продвигать «мягкую силу» — распространение китайского языка и культуры.

В то же время страны Центральной Азии также получают определенную выгоду от сотрудничества с более сильным соседом в лице Китая. КНР оказывает активную помощь, предоставляя этим государствам кредиты и финансирование. Между странами развивается сотрудничество в нефтяной, газовой, электроэнергетической отраслях, реализуются проекты по разработке месторождений, активно развивается торговля. В рамках сотрудничества в гуманитарной сфере строятся образовательные, научные и культурные центры. С одной стороны, такое активное сотрудничество положительно влияет на ситуацию в странах региона: развивается инфраструктура, повышается качество жизни и образования, появляются новые возможности. С другой стороны, высказываются опасения о «мирном завоевании» региона.

Говоря о начале сотрудничества в области образования между КНР и Центральной Азией, необходимо отметить, что после распада Советского Союза между странами были установлены дипломатические отношения. Почти сразу были подписаны договоры и соглашения о сотрудничестве в области образования, на основании которых страны проводят совместные научные, культурные, образовательные выставки и конференции, обмениваются студентами и преподавателями, предоставляют стипендии и квоты.

Дипломатические отношения между Китаем и Киргизией были установлены в январе 1992 года. Взаимодействие в области образования осуществлялось с мая 1992 года на основе нескольких соглашений о культурном сотрудничестве и сотрудничестве по делам образования⁴: были установлены прямые связи между высшими учебными заведениями двух стран, производится обмен студентами, предоставляются стипендии, проводятся совместные научные, культурные, образовательные выставки и конференции, приглашаются языковые преподаватели⁵. С развитием сотрудничества увеличивается число образовательных квот для студентов: ранее для киргизстанцев выделялось 90 бюджетных мест, а с 2012 года их число выросло до 120. Страны углубляют сотрудничество в области образования: согласно Совместной декларации Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства, Китай предоставляет Киргизской стороне 1500 правительственных стипендий на предстоящие 5 лет⁶.

Китай и Казахстан установили дипломатические отношения в августе 1992 года. Они осуществляют сотрудничество на основе соглашения между министерством образования и науки Республики Казахстан и министерством образования КНР от 3 июня 2003 года, в рамках которого в Китай ежегодно направляется около 20 студентов из Казахстана. В 2009 году в Соглашение были внесены дополнительные изменения, обмен студентами был увеличен до 100 человек. Если раньше в рамках различных международных договоров в Китай направлялись 120 казахских студен-

тов, выигравших гранты, то теперь их число увеличено до 200. На 2015—2016 гг. только в рамках правительственной стипендии Китая было выделено около 59 грантов для студентов из Казахстана.

Одним из самых мощных инструментов «мягкой силы» Китая являются Институты Конфуция (ИК), которые действуют почти во всех странах мира, в том числе и в регионе Центральной Азии. «Основной стратегической целью создания и развития сети ИК является максимизация «мягкой силы» КНР за рубежом, ее культурного влияния, а также расширение китайского присутствия в целевых странах, направленного на формирование адекватной среды восприятия политики Китая и его имиджа международным сообществом и обществами отдельных государств. Кроме того, в качестве стратегических целей можно выделить популяризацию образа Китая в мире, противодействие конкурентам среди иных субъектов «мягкой силы» как на государственном уровне, так и на уровне зарубежной китайской диаспоры, не поддерживающей официальные власти КНР»⁷.

В настоящий момент на территории Казахстана действуют четыре Института Конфуция, в Киргизии открыты три заведения.

Существуют и другие формы образовательного сотрудничества, к которым можно отнести создание совместных институтов, кабинетов, классов, культурных центров, детских лагерей, в которых также осуществляется деятельность по популяризации китайской культуры и языка. Их число увеличивается с каждым годом, открываются новые центры и образовательные программы, однако большинство из них все так же финансируются Китаем.

КНР вкладывает большие средства в строительство и оборудование учебных заведений с изучением китайского языка. Так, например, с 2007 года на базе Института Конфуция и Кыргызско-Китайского образовательного центра при Кыргызском Национальном университете им. Ж. Баласагына в качестве государственного образовательного учреждения, функционирует Кыргызско-Китайский институт (ККИ). ККИ реализует образовательные программы обще-

го среднего, среднего профессионального, высшего, послевузовского профессионального образования, а также подготовку научных кадров. С момента открытия центра были заключены договоры об открытии 8 центров и классов по изучению китайского языка и культуры. По решению штабквартиры институтов Конфуция для оборудования только одного класса в Кыргызстан направляется 20 тыс. долларов⁸.

Такая же ситуация наблюдается и в Казахстане. В мае 2014 года в Казахском агротехническом университете им. Сейфуллина был открыт кабинет изучения китайского языка. Все необходимые учебные материалы и современное техническое оборудование предоставляет посольство КНР в Казахстане.

Кроме того, в странах Центральной Азии функционируют школы с углубленным изучением китайского языка, финансируемые китайской стороной. Так, в 2012 году президент Киргизии подписал указ о строительстве общеобразовательной школы с углубленным изучением китайского языка в Бишкеке, несмотря на то что ранее ряд депутатов высказывал опасения, считая строительство школы «первым шагом к мирному завоеванию Киргизии Китаем»⁹. Китай выделяет около 50 млн юаней на строительство школы и полностью займётся оснащением заведения.

Таким образом, необходимо отметить, что наиболее активную форму образовательное сотрудничество приобрело только в последние годы, когда с каждым годом стало увеличиваться число китайских культурных и образовательных центров, вузы и другие образовательные учреждения стран стали проводить конференции и совместные работы. Поэтому в перспективе ожидается увеличение совместных проектов и программ, финансируемых КНР на территории Центральной Азии.

Нельзя также не затронуть политику «мягкой силы» Китая. Уже на данном этапе можно увидеть, что «программа» Китая имеет результаты. В частности, многие казахские СМИ пишут о том, что китайский язык стал «золотым ключиком», открывающим казахским студентам двери к карьере. После прохождения стажировок в Китае многие студенты

получают работу в нефтяных и внешнеторговых компаниях, работают на государственной службе и в бизнес-структурах. «Таланты, которые вернулись с учебы в Китае, очень активны в правительстве и предприятиях Казахстана. Некоторые из них стали представлять основу государственных ведомств и промышленных элит»¹⁰.

Китай не только распространяет изучение китайского языка, но и развивает центры изучения стран Центральной Азии. В 2013 году в институте Центральной Азии Синьцзянского университета открылся научный центр кыргызоведения, финансируемый Китаем. В последние годы в Китае открылись 3 научных центра изучения Казахстана: при Шанхайском университете иностранных языков (16 ноября 2015 года), Пекинском университете иностранных языков (13 декабря 2015 года) и Даляньском университете иностранных языков (11 января 2016 года). На открытии Шанхайского «Центра Казахстана» в ноябре 2015 года был подписан Меморандум о сотрудничестве в подготовке по программе «Бошалак» казахстанских синхронных переводчиков китайского языка. В дальнейшем планируется открытие кафедры казахского языка для иностранных студентов. С сентября 2016 года на базе Пекинского университета иностранных языков начнется подготовка китайских студентов по специальности «казахский язык и страноведение»¹¹.

Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии действует и в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

В 2006 году на пятом саммите ШОС страны подписали Соглашение о сотрудничестве в области образования. Его основные положения можно сформулировать следующим образом: страны обязуются сотрудничать в области образования, обмениваться опытом, поддерживать развитие интеграционных процессов в этой области, содействовать взаимному обмену как обучающихся, так и преподавателей, совместно проводить круглые столы, конференции и семинары по различным направлениям в образовании. Основные мероприятия в области образования в рамках ШОС включают в себя регулярные встречи министров образования государств-членов ШОС, ежегодные Недели образова-

ния ШОС, образовательные и культурные поездки для студентов и преподавателей из стран-членов ШОС.

В 2008 году был создан Университет Шанхайской Организации Сотрудничества (УШОС), представляющий собой сеть учебных заведений государств-членов организации. Согласно Хартии УШОС, цели Университета состоят в укреплении доверия и добрососедских отношений между членами ШОС, развитии интеграционных процессов в области образования, науки и технологий, в расширении многостороннего образовательного, научного и культурного сотрудничества, в расширении возможностей получать качественное образование и развивать научные контакты для молодежи, педагогов и ученых, в содействии эффективному сотрудничеству стран ШОС во всех областях.

Приоритетными направлениями в деятельности Университета являются регионоведение, экология, энергетика, IT-технологии, нанотехнологии, педагогика и экономика. Это в первую очередь связано с тем, что одной из целей создания УШОС является подготовка квалифицированных кадров для ШОС, знающих структуру самой организации. Поэтому в качестве приоритетных направлений были выбраны не самые популярные для изучения области, а самые проблемные, то есть те, в которых больше всего нуждается организация для реализации своей деятельности. Помимо подготовки квалифицированных кадров для ШОС, создание Университета — также хорошая возможность подготовить специалистов по Центральной Азии, которых очень мало в странах региона. Возможность обучения в иностранных вузах помогает лучше понять специфику региона, выучить язык, изучить культуру, понять особенности стран, а затем найти применение своим знаниям на родине.

Несмотря на регулярные анализы проделанной работы, выявление и устранение ошибок, проект Университета ШОС пока нельзя считать успешным, так как большая часть планов уже несколько лет находится в стадии развития и разработки, не функционируя на полную мощь.

Сотрудничество в сфере образования, несомненно, является одним из важнейших направлений в контактах госу-

дарств, так как без него невозможно полноценное взаимодействие в других областях. Страны должны хорошо знать и понимать друг друга, только тогда у них будет возможность осуществлять плодотворное сотрудничество. Проанализировав образовательное сотрудничество стран Центральной Азии с Китаем, нельзя не отметить, что за последние годы сотрудничество заметно расширилось и перешло на новый уровень. Ежегодно увеличивается обмен студентами, открываются новые образовательные центры, способствующие изучению китайского языка и культуры, открываются школы с углубленным изучением китайского, факультеты Востоковедения при финансовой поддержке Китая. В то же время и в Китае начинают работу центры изучения стран Центральной Азии.

Также необходимо отметить, что сейчас двусторонние образовательные связи развиты неравномерно. Перевес и лидерство принадлежит КНР, другим странам Центральной Азии тяжело конкурировать с развитыми образовательными программами Китая. Однако, как было отмечено ранее, и в Китае создаются центры изучения стран ЦА, поэтому в перспективе возможно увеличение образовательных программ по языкам и культуре стран Центральной Азии.

Сотрудничество в области образования способствует реализации не только общих интересов стран, но и отдельных национальных интересов. Определенную выгоду получают страны Центральной Азии, принимая помощь от более развитого и продвинутого соседа. На их территориях строятся новые научные и учебные центры, развивается образование и инфраструктура, перед молодежью этих стран открываются новые границы и возможности.

Все интересы КНР в экономике, политике, энергетике или безопасности напрямую связаны с областью образования. Используя «мягкую силу» — развивая образовательные и культурные контакты и обмены, Китай создает себе положительный, привлекательный имидж. Распространяя китайский язык и культуру в регионе Центральной Азии как в рамках Шанхайской организации сотрудничества, так и на двустороннем уровне, Китай создает благоприятную

среду для дальнейшего достижения своих целей, в частности повышения конкурентоспособности страны на мировой арене. «Мягкая сила с китайской спецификой» заключается в инвестициях Китая в сферу образования на территориях стран Центральной Азии. КНР вкладывает средства в строительство школ, образовательных центров и в современное оборудование классов, в которых будут изучаться китайский язык и культура КНР. Впоследствии это способствует популяризации китайского языка, воспитанию специалистов, ориентированных на Китай, многие из которых затем работают в государственных структурах. Большая работа в сфере образования ведется и в «проблемных областях», таких как энергетика или экология. Все описанные мероприятия в определенной степени приближают Китай к достижению его национальных целей и закладывают фундамент для дальнейшего построения отношений со странами Центральной Азии.

---

¹ Цзян И. Интересы Китая в ШОС // Проблемы и перспективы социокультурного и экономического взаимодействия стран-участников и наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. — С. 46.

² Joseph S., Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — New York: Public Affaires, 2004.

³ Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. — 2009. — № 4. — С. 150.

⁴ Соглашение о сотрудничестве между Министерством народного образования КР и Государственным Комитетом КНР по делам образования на 1992—1994 гг. от 14 мая 1992 г.

⁵ Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Китайской Народной Республики от 23 апреля 1994 г.

⁶ Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. URL: http://www.president.kg/ru/news/3933_sovmestnaya_deklaratsiya_kyirgyzskoy_respubliki_i_kitay

[skoy_narodnoy_respubliki_o_dalneyshem_uglublenii_otnosheniy_strategicheskogo_partnerstva/](#) (дата обращения: 05.11.2016).

⁷ Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как реализация политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2015. — № 1.

⁸ Кыргызско-китайский институт (ККИ) // Информационно-образовательный портал СНГ. URL: <http://cis.rudn.ru/doc/1379> (дата обращения: 05.11.2016).

⁹ Президент Киргизии подписал указ о строительстве школы с углубленным изучением китайского // Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/1587814.html> (дата обращения: 30.10.2016).

¹⁰ 16 мая в Национальном историческом музее Кыргызстана состоялся 12-й всемирный конкурс студентов по китайскому языку «Мост китайского языка» // Polpred.com. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=897667&searchtext= (дата обращения: 30.06.2016).

¹¹ С 2016 года в Пекинском университете иностранных языков начнут преподавать казахский язык // inform.kz. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2849678> (дата обращения: 30.10.2016).

Роль политических лидеров во внешнеполитических отношениях Японии с РК и КНДР на рубеже XX—XXI вв.

Аннотация

В данной статье рассматривается влияние политических лидеров на динамику развития внешнеполитических отношений Японии с Республикой Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) в период с 1995 по 2006 год. Нижней границей был взят 1995 год, так как он во многом стал переломным для японской внешней политики с точки зрения определения приоритетов и методов ее проведения. Что же касается верхней границы, то нам представляется наиболее логичным выбор именно 2006 года, что связано в большей степени с окончанием срока пребывания на должности премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро, а соответственно и целого этапа в истории отношений Японии с РК и КНДР.

Ключевые слова: Япония, РК, КНДР, внешнеполитические отношения

Введение

Отношения со странами Корейского полуострова всегда находились в числе приоритетных направлений японской внешней политики. В период после Второй мировой войны Япония стремилась к установлению дружественных отношений как с Республикой Корея, так и с Корейской Народно-Демократической республикой. Японо-южнокорейские отношения достигли некоторого прогресса, и на протяжении долгого времени можно было наблюдать интенсификацию экономических и культурных связей между двумя странами. Отношения с Северной Кореей развивались ме-

нее активно, и тем не менее в определенные моменты обеим странам удавалось наладить общение. Несмотря на то, что расширение экономического и политического сотрудничества было бы выгодным для каждой из сторон, в двусторонних отношениях между этими странами остается изрядное количество нерешенных проблем. Вопросы исторического прошлого вплоть до настоящего времени являются причинами постоянных конфликтов Японии с Южной Кореей, а что касается Северной Кореи, то все попытки нормализации взаимоотношений между двумя странами заканчивались неудачей. Все это не только препятствует дальнейшему развитию отношений, но и в общем ведет к дестабилизации ситуации в регионе. В данном случае вполне закономерным является вопрос: «Почему связи между этими государствами на протяжении всего послевоенного периода оставались в значительной степени ограниченными, отношения нестабильными, а согласие по многим наболевшим проблемам так и не было достигнуто, несмотря на все возможные выгоды от двустороннего сотрудничества?»

На основе изучения и анализа источников, а также историографических трудов по теме двусторонних отношений Японии с РК и КНДР автор данной статьи попытается ответить на этот вопрос, уделяя особое внимание влиянию политических лидеров на формирование внешнеполитических отношений.

Внешиполитические отношения Японии с РК

После окончания Второй мировой войны Япония была оккупирована США, которые практически полностью контролировали внешнюю политику Японии. Официально период оккупации закончился в 1952 с подписанием Сан-францисского мирного договора¹, однако де-факто Япония продолжала находиться под мощным влиянием Америки вплоть до начала 1970-х гг., что во многом определяло векторы ее внешней политики.

В частности, под давлением США в 1951 году начались переговоры между Японией и Южной Кореей о восстановлении дипломатических отношений². Однако обе стороны

в тот момент не были заинтересованы в развитии двусторонних отношений, о чем свидетельствует тот факт, что переговоры затянулись почти на 14 лет, несмотря на то, что Америка настаивала на скорейшем заключении договора о нормализации отношений. Это также говорит о том, что США уже на том этапе не обладали достаточным влиянием на развитие японо-корейских отношений. Стоит также отметить, что в частности на жесткую позицию южнокорейского правительства влиял в значительной степени и антияпонский настрой его лидера Ли Сын Мана, которого, однако, вскоре сменил Пак Чон Хи, настроенный к Японии более дружелюбно, что во многом обусловило активное развитие японо-корейских отношений во второй половине 1960-х гг.

В конечном итоге договор между Японией и Кореей был подписан в 1965 году³, для чего правительствам обеих стран пришлось пойти на значительные уступки. Примечательно также то, что ни одна из проблем, изначально служивших препятствием для заключения договора, не была по сути решена. Вероятным представляется то, что только к 1965 году обе стороны дошли до такой точки, когда положительные результаты в случае заключения договора перевешивали отрицательные. По большей части взаимовыгодным для двух стран было сотрудничество в экономической сфере: Южная Корея получила в лице Японии надежный источник финансирования, что было для нее важно в условиях осуществления индустриализации, а Япония — новый рынок сбыта и доступ к дешевой рабочей силе. Сближению двух стран также способствовала и достаточно напряженная обстановка в рамках «Холодной войны», а также военно-политический союз с США.

В 1980-х гг. ситуация снова изменилась. После убийства Пак Чон Хи к власти в Южной Корее пришел Чон Ду Хван⁴, который в отличие от своего предшественника не предпринимал никаких попыток улучшить отношения с Японией, а скорее, даже способствовал их ухудшению. Положительные тенденции в двусторонних отношениях наметились после назначения на пост премьер-министра Японии Накасонэ Ясухио в 1982 году⁵. Накасонэ проводил осторож-

ную политику в отношении соседних азиатских государств, что позволило ему выстроить достаточно прочные личные отношения с лидерами КНР и РК. Однако это никак не помогло ему добиться каких-либо результатов в попытках окончательно разрешить проблемы исторического прошлого, остававшиеся камнем преткновения в двусторонних отношениях. Более того, самонадеянность Накасонэ касательно своих личных связей и привела к возникновению конфликта, связанного с посещениями премьер-министром храма Ясукуни⁶.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось окончанием «Холодной войны», крахом биполярной системы и сдвигом в геополитическом раскладе сил. В такой обстановке начал меняться и характер японо-корейских отношений. Южная Корея к этому моменту стала страной с достаточно развитой экономикой, а конец холодной войны ослабил напряжение в международной обстановке. Республика Корея в этих условиях возобновила диалог с КНДР, а также заключила с КНР и СССР соглашения о нормализации отношений⁷. Южная Корея перестала зависеть от финансовой помощи Японии, а сотрудничество в области региональной безопасности на некоторый период времени потеряло свою актуальность. В результате этого страны в определенной степени отделились друг от друга, и вдобавок к этому в этот же период была поднята проблема «женщин комфорта»⁸, напрямую связанная с военным прошлым Японии.

Данная проблема привлекла внимание, в том числе и мировой общественности, которая, присоединившись к Южной Корее, стала обвинять Японию в том, что ее позиция относительно своего милитаристского прошлого остается неясной. В ответ на эти обвинения в 1995 году было опубликовано так называемое «Заявление Мураямы»⁹, в котором премьер-министр Японии приносил свои извинения всем пострадавшим от японской агрессии азиатским странам, используя при этом достаточно однозначные и сильные формулировки.

Это заявление стало базой для формирования более дружественных взаимоотношений между Японией и Южной

Кореей и обозначило начало нового этапа в двусторонних отношениях, которые вплоть до конца столетия развивались в положительном русле, в том числе и благодаря позитивному настрою японских и корейских политических лидеров в отношении друг друга.

В 1997 году разразился финансовый кризис в Азии, и Республика Корея оказалась в числе наиболее серьезно пострадавших от него стран. МВФ предоставил Южной Корее пакет финансовой помощи в размере \$58 млрд. Япония взяла на себя обязательства по выплате наибольшей доли, которая составляла 10 млрд долл. от общей суммы¹⁰.

1998 год считается самым удачным в истории японо-корейских отношений. Его кульминацией стало посещение корейским президентом Ким Дэ Чжуном Японии, в ходе которого президентом Республики Корея и премьер-министром Японии Обути Кэйдзо была подписана совместная декларация о сотрудничестве двух стран в XXI веке¹¹. Одним из первых пунктов декларации являлось принесение Обути извинений корейскому народу за преступления, совершенные милитаристской Японией, при этом его слова практически полностью повторяли «Заявление Мураямы». В обмен на это, Ким Дэ Чжун согласился не поднимать в будущем вопросы исторического прошлого в двусторонних отношениях¹².

Отдельное внимание в декларации уделялось вопросам сотрудничества двух стран в области региональной безопасности, в частности проблеме денуклеаризации Корейского полуострова и прекращения реализации ядерных программ КНДР. Обе стороны сошлись на необходимости продвижения четырехсторонних переговоров между США, Японией, РК и КНДР для скорейшего разрешения существующих на Корейском полуострове проблем безопасности. В декларации также говорилось о необходимости экономического сотрудничества для преодоления последствий финансового кризиса 1997 года, а также о важности взаимодействия обеих стран через такие международные организации, как ВТО, ОЭСР и АТЭС.

Помимо основной части, к декларации был отдельно прикреплён «План действия»¹³, в котором содержались конкрет-

ные меры по укреплению двусторонних отношений. Правительства обеих стран договорились проводить встречи на уровне глав государств не реже, чем раз в год, и кроме этого проводить совместные заседания кабинета министров. Вдобавок к этому в рамках «Плана действия» были оговорены и уточнены многие аспекты сотрудничества в разнообразных сферах, включая экономическую, политическую, культурную, научно-технологическую и т.д. Например, для преодоления последствий финансового кризиса Япония обещала предоставить Южной Корее льготный йеновый кредит. Еще одним шагом к сближению двух государств стало объявление южнокорейского правительства о либерализации строгой политики в отношении японской культуры¹⁴, основной задачей которой до настоящего момента было не допустить ее распространение на территории Кореи.

Во время двусторонних переговоров также была впервые поднята тема о возможности подписания соглашения о свободной торговле (ССТ) между Японией и Южной Кореей¹⁵. В марте 1999 года премьер-министр Обути совершил ответный визит в Южную Корею, во время которого в дополнение к подписанной декларации была принята «Экономическая повестка дня 21»¹⁶, в рамках которой представителями сторон было принято решение о заключении соглашения, касающегося защиты и стимулирования инвестиционных отношений между двумя государствами.

Таким образом, конец XX века стал наиболее благоприятным периодом в двусторонних отношениях. Между двумя странами активно развивалось сотрудничество в области политики, экономики и культуры. Годовой объем торговли находился на уровне \$30—50 млрд¹⁷. Объем прямых иностранных инвестиций в Южную Корею достиг в 1999 году рекордной отметки в 980 млн долл., а в 2000 году оставался примерно на уровне 817 млн долл.¹⁸. Либерализация японской культуры в Южной Корее привела к активному ее распространению: началось массовое строительство ресторанов японской кухни, в кинотеатрах показывали японские фильмы, на радио звучали японские песни и передачи, большое распространение получила культура анимэ и манга¹⁹.

Помимо этого обе страны совместно проводили активную подготовку к чемпионату мира по футболу.

Большую роль в стремительном улучшении двусторонних отношений на данном этапе сыграли лидеры двух государств, а именно президент Республики Корея Ким Дэ Чжун и премьер-министр Японии Обути Кэйдзо. Расширение сотрудничества между двумя странами в различных областях, а в особенности экономической, было выгодно обеим сторонам: Южная Корея получала от Японии финансовую помощь, необходимую для стабилизации экономической ситуации в стране после финансового кризиса 1997 года, а Япония получала значительную выгоду от расширения торговых и инвестиционных связей и либерализации японской культуры на территории Южной Кореи. Помимо этого немаловажным для Японии было то, что по соглашению между Обути и Ким Дэ Чжуном письменное извинение Обути за военные преступления Японии по отношению к Южной Корее во время Второй мировой войны, представленное в одном из первых пунктов совместной декларации о сотрудничестве двух стран в XXI веке, по крайней мере временно ставило точку в вопросах исторического прошлого в отношениях между Японией и Южной Кореей. Улучшение двусторонних отношений между двумя странами воспринималось в Японии и Южной Корее в значительной степени как успех внешней политики Обути и Ким Дэ Чжуна, а потому способствовало укреплению их позиций на внутривосточной арене.

Кардинальный поворот в двусторонних отношениях, сведший на нет практически все достижения предыдущего периода, произошел в начале XXI века, с приходом в Японии к власти Коидзуми Дзюньитиро в 2001 году²⁰ и Но Му Хена в 2003 году²¹ в Южной Корее. Роль политических лидеров на этом этапе прослеживается особенно четко.

Коидзуми сознательно пожертвовал отношениями с РК ради укрепления своих политических позиций внутри страны. Во-первых, для того, чтобы выиграть внутривосточную борьбу за место премьер-министра, Коидзуми обратился за поддержкой к консервативным кругам партии, пообещав

им каждый год посещать храм Ясукуни на официальной основе²². Вступив в должность, он сдержал обещание и на протяжении всех трех своих сроков продолжал посещать Ясукуни каждый год в середине августа, несмотря на активные протесты китайского и корейского правительств.

Во-вторых, хотя Коидзуми напрямую не способствовал эскалации территориального конфликта вокруг островов Лианкур (Такэсима/Токто) в 2005 году, никаких значительных усилий к урегулированию конфликта он также не прикладывал. Для того, чтобы сохранить свое положение в правительстве, он был вынужден занять жесткую позицию по данному вопросу, тем самым обеспечив себе поддержку консервативных кругов партии. Более того, сложившаяся ситуация позволила ему не только сохранить, но и укрепить свои внутривнутриполитические позиции за счет всплеска националистических настроений в стране, возникших в результате эскалации территориального конфликта²³. То же самое сделал и Но Му Хен, объявивший о начале «дипломатической войны» с Японией²⁴, чем заслужил одобрение консервативных и националистических кругов в правительстве и обществе.

Действия лидеров обеих стран привели к тому, что обе стороны находились на грани серьезного, потенциально военного конфликта, разрешить который удалось буквально в последний момент, благодаря усилиям японских и корейских дипломатов и даже в большей степени закулисной деятельности США²⁵, жестко надавивших на политиков обеих стран.

После этого особого прогресса в развитии двусторонних отношений также не наблюдалось. Лидеры Японии и Южной Кореи продолжали использовать проблемы двусторонних отношений для укрепления своих позиций в правительстве, поэтому даже если и появлялся намек на возможное улучшение отношений, очередной скандал, вызванный резкими заявлениями политиков той или иной стороны, возвращал двусторонние отношения в исходную позицию. Таким образом, внешнеполитические отношения между Японией и Республикой Корея фактически не двигались с места, лишь изредка переживая незначительные подъемы и падения.

В Японии Коидзуми высоко ценили за достижения в области внутренней политики, экономики и финансов, за консолидацию связей с США и за прогресс в японо-северокорейских отношениях. Популярность на внутривнутриполитической арене позволила ему занимать пост премьер-министра пять лет и пять месяцев (с апреля 2001 года по сентябрь 2006 года), что является третьим по продолжительности сроком в послевоенной истории Японии. Но Му Хен также пользовался значительной популярностью в Южной Корее. Тем не менее результатом действий Коидзуми и Но Му Хена, направленных на поднятие их политического престижа, стало стремительное ухудшение японо-южнокорейских отношений.

Внешиполитические отношения Японии с КНДР

Отношения Японии с КНДР являются менее однозначными и более нестабильными. Практически до начала 1990-х гг. ни у одной из сторон не было особой заинтересованности в установлении дипломатических отношений. Северную Корею активно поддерживали Советский Союз и Китай, и хотя признаки кризиса в стране стали проявляться уже в 1980-х гг., в полную силу он разразился после окончания холодной войны. КНДР необходимо было что-то предпринимать, или ей грозила полная международная изоляция, и, более того, возможный политический кризис и как следствие крах режима. В силу необходимости Северная Корея пошла на сближение с Южной Кореей и с Японией.

С 1991 по 1992 гг. правительства Японии и Северной Кореи провели восемь раундов переговоров по нормализации отношений, которые закончились без достижения каких-либо ощутимых результатов²⁶. Причин этому могло быть несколько. Во-первых, возобновляя диалог с Северной Кореей, Япония преследовала конкретную цель: обеспечить собственную безопасность, за счет нормализации отношений, а также постаравшись убедить КНДР отказаться от реализации ракетно-ядерных программ. Во-вторых, Япония не видела необходимости идти на значительные уступки Северной Корее для заключения договора. В-третьих,

значительным сдерживающим фактором для Японии был договор безопасности с США и договор с Южной Кореей, в котором отдельно оговаривалось то, что японская сторона признает Республику Корея как единственное законно учрежденное правительство на Корейском полуострове (Article III)²⁷. В-четвертых, КНДР не ставила отношения с Японией в число приоритетных, гораздо важнее ей было добиться успехов на американском направлении.

Несмотря на неудачу в переговорах, Япония продолжила предоставлять КНДР гуманитарную и продовольственную помощь, надеясь таким образом подготовить почву для возобновления диалога. Однако в 1993—1994 гг. произошел первый ядерный кризис²⁸. Можно предположить, что ввиду достаточно тяжелой экономической ситуации в стране Северная Корея таким образом пыталась привлечь внимание международного сообщества, чтобы получить полноценную экономическую помощь. Это звучит достаточно правдоподобно, учитывая тот факт, что КНДР получила от США обещание о строительстве в Северной Корее двух реакторов на легкой воде, а также о снятии всех экономических санкций²⁹. Следствием этого кризиса стало создание Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО)³⁰, основателями которой стали США, Южная Корея и Япония.

Следующий случай потепления отношений наступил в 1997 году. В августе этого года были проведены предварительные переговоры по нормализации отношений, а в январе 1998 года власти Северной Кореи пообещали японскому правительству провести расследование по делу о похищении японских граждан спецслужбами КНДР. Тем не менее в скором времени в двусторонних отношениях произошел очередной спад, вызванный чередой неприятных событий, в частности проведением КНДР в 1998 году испытаний ракет среднего радиуса действия³¹, которые после запуска приземлились в территориальных водах Японии, что никак не могло положительно сказаться на двусторонних отношениях. В 2000 году обе стороны, тем не менее, вернулись за стол переговоров, хотя и в этот раз никаких видимых результатов достигнуто не было³².

В период с 1995 по 2000 гг. сложно говорить о какой-либо конкретной роли политических лидеров в двусторонних отношениях. Ясно только то, что обе стороны занимали достаточно жесткую позицию по отношению друг к другу и не желали идти на уступки.

Как и в случае с Южной Кореей, достаточно четко роль политических лидеров заметна во времена пребывания на должности премьер-министра Японии Коидзуми. Он был практически первым премьер-министром Японии, решившимся в 2002 году на посещение Пхеньяна и личную встречу с северокорейским правительством³³, что, возможно, стало одним из факторов успеха возглавляемой им делегации. В то же время действия лидера КНДР Ким Чен Ира указывают на то, что он занимал более мягкую позицию по отношению к соседним государствам, чем его предшественник, что также способствовало временному развитию двусторонних отношений.

Одним из наиболее значимых для Японии был вопрос о похищении японских граждан северокорейскими спецслужбами, которые имели место в 1970—1980-х гг. КНДР долгое время отрицала свою причастность к этим происшествиям, и никаких неопровержимых доказательств о том, что Северная Корея в действительности имеет к ним отношение, также не существовало. Впервые на такую возможность указала в 1988 году Коммунистическая партия Японии³⁴, которая критично относилась к идеям нетрадиционного марксизма, пропагандируемым Ким Ир Сенем. Тем не менее КНДР большую часть времени игнорировала запросы японской стороны о подтверждении данной информации.

Эта тема была достаточно болезненной не только для японского правительства, но и для всего японского общества, поэтому Коидзуми было важно удостовериться, что данная проблема будет включена в повестку дня в ходе переговоров. Решение данного вопроса позволило бы не только укрепить позиции Коидзуми в правительстве, но увеличило бы дипломатическое влияние Японии. Небольшим прорывом по указанной проблеме стало достаточно неожиданное заявление Ким Чен Ира во время визита Коидзуми в

Пхеньян, в котором лидер КНДР признал факт похищения японских граждан северокорейскими службами³⁵. Северокорейское правительство передало японской делегации список, в котором было указано всего тринадцать пропавших японцев, при этом восемь из них значились уже умершими, и только пятеро — живыми. Ким Чен Ир извинился перед Коидзуми и пообещал позволить оставшимся в живых пяти японцам посетить свои семьи в Японии³⁶.

С одной стороны, это можно было назвать успехом для японской стороны, учитывая то, что до этого момента КНДР даже не признавала своей причастности к инцидентам с пропажей японских граждан. С другой стороны, достигнутые результаты не были полностью удовлетворительными для Японии, так как случаев похищений насчитывалось гораздо больше тринадцати, и к тому же смерть восьми из тринадцати человек была достаточно шокирующим фактом, вызвавшим негативную реакцию в японском обществе.

Гораздо больших успехов делегации во главе с Коидзуми удалось добиться в других областях. По вопросам ядерных и ракетных испытаний Северная Корея подтвердила свое намерение придерживаться Рамочного соглашения с США и продолжать поддерживать мораторий на испытания ракет большой дальности. Что касается условий для нормализации отношений, КНДР согласилась принять «Заявление Мураямы» 1995 года в качестве извинения Японии за колониальный период, а также получить материальную компенсацию в форме экономической помощи, а не репараций³⁷.

После возвращения Коидзуми в Японию остро встал вопрос, связанный с судьбой пяти похищенных японских граждан, которым было разрешено лишь временно отправиться в Японию для посещения своих семей. Под давлением общественности японское правительство приняло решение о том, чтобы позволить им остаться в Японии, в результате чего КНДР обвинила Японию в нарушении соглашения и отказалась от проведения каких-либо переговоров с японской стороной³⁸.

Для разрешения создавшейся проблемы Коидзуми совершил второй визит в Пхеньян в 2004 году, чтобы получить

разрешение КНДР на окончательное возвращение похищенных японцев к их родственникам в Японии. В конце концов Северная Корея дала на это свое согласие и также пообещала продолжить расследования случаев похищений. Возможно, на решение КНДР повлияло обещание Коидзуми предоставить 250 тыс. тонн продовольственной помощи и 10 млн долл. в форме поставок фармацевтической продукции³⁹.

Ситуация с ядерными испытаниями КНДР также начала накаляться после того, как в октябре 2002 года стало известно о том, что Северная Корея продолжала разработки по обогащению урана, несмотря на ограничения, наложенные на нее «Рамочным соглашением» 1994 года⁴⁰.

В 2003 году произошел второй ядерный кризис, который привел к организации шестисторонних переговоров⁴¹ между КНДР, РК, КНР, США, Россией и Японией по вопросам северокорейских ядерных программ. Ракетно-ядерные испытания КНДР и ее выход из ДНЯО обусловили очередной спад в отношениях между Японией и Северной Кореей, практически все общение которых с этого момента сводилось к заседаниям в рамках шестисторонних переговоров.

Заключение

Если подводить итоги, то можно сказать, что одним из основных факторов, обусловивших нестабильность и ограниченность двусторонних отношений Японии со странами Корейского полуострова в рассмотренный период, является влияние политических лидеров на формирование внешнеполитических отношений. В большинстве случаев именно позиции и действия лидеров государств определяли характер взаимоотношений между странами.

Так, например, период с 1998 по 2000 гг. стал наиболее удачным в истории японо-южнокорейских отношений. Для Кэйдзо Обути и Ким Дэ Чжуна развитие двустороннего сотрудничества было выгодно с точки зрения не только внешней, но и внутренней политики. В рамках соглашения, достигнутого между Кэйдзо Обути и Ким Дэ Чжуном, Южная Корея получала ресурсы, необходимые для стабилизации

внутриэкономической ситуации в стране после финансового кризиса 1997 года. Для Японии же ключевым моментом соглашения являлось обещание Ким Дэ Чжуна не поднимать в будущем болезненные для японской стороны вопросы исторического прошлого в рамках двусторонних отношений. Значимость данного обещания заключалась в том, что фактически Ким Дэ Чжун добровольно отказывался от использования данных вопросов в качестве рычага давления на Японию. Готовность обоих лидеров пойти на уступки в ключевых для каждой из сторон вопросах способствовала частичному разрешению проблем, существовавших в отношениях между Японией и РК на тот момент, и таким образом, форсировала развитие двусторонних отношений. Исходя из всего этого, ожидания того, что двусторонние отношения продолжат активно развиваться и в XXI веке, были достаточно высокие.

Однако в начале XXI века отношения между Японией и Южной Кореей стали стремительно ухудшаться, хотя видимых причин для этого не было. Тот факт, что резкий спад в японо-южнокорейских отношениях произошел после вступления Коидзуми Дзюнъитиро на должность премьер-министра Японии в 2001 году и вступления Но Му Хена на должность президента РК в 2003 году, позволяет предположить, что ухудшение двусторонних отношений было обусловлено не столько какими-то объективными причинами, сколько деятельностью лидеров обеих стран.

Ни премьер-министр Коидзуми, ни президент Но Му Хен не включали развитие японо-корейских отношений в список приоритетных задач правительства. Коидзуми по большей части уделял внимание внутренней политике и укреплению своего политического влияния внутри страны, а правительство Но Му Хена прежде всего занималось решением вопросов безопасности на Корейском полуострове и ликвидацией последствий финансового кризиса 1997 года. В этот период и в японском, и в корейском обществе стали проявляться националистические настроения, что позволило лидерам обеих стран использовать проблемы, затрагивавшие вопросы национальной гордости, для обретения поддержки внутри

страны, что, по сути, стало одной из причин стремительно-го ухудшения двусторонних отношений и эскалации территориального конфликта вокруг островов Лианкур.

Что же касается японо-северокорейских отношений, то наиболее ярким примером также является деятельность Коидзуми Дзюнъитиро. Как и в случае с Республикой Корея, он опять же воспользовался внешнеполитическими средствами для укрепления своих внутривнутриполитических позиций. Свидетельством этому является конфликт, возникший между Японией и КНДР вокруг вопроса об окончательном возвращении похищенных спецслужбами КНДР пяти японских граждан. Разрешение данного конфликта в пользу Японии в результате привело к поднятию политического престижа Коидзуми в Японии, но в то же время — к ухудшению японо-северокорейских отношений.

Естественно, неправильным было бы сводить все к одному лишь влиянию политического руководства, хотя игнорировать его значение также нельзя. Существует множество других факторов, обуславливающих причины продолжающегося противостояния между Японией и обеими Кореями, как то: экономические, социальные, внутривнутриполитические, воздействие третьих стран и т.д.

---

¹ No. 1832. Treaty of peace with Japan. Signed at San Francisco, on 8 September 1951. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (дата обращения: 31.07.2015).

² Togo K. Japan's Foreign Policy 1945—2003: The Quest for a Proactive Policy. — Boston, 2005 — P. 157.

³ Treaty on Basic Relations between Japan and the Republic of Korea 1965. URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19650622.T1E.html> (дата обращения: 31.07.2015).

⁴ Togo K. Op. Cit. P. 165.

⁵ Ibidem.

⁶ Hundt D., Bleiker R. Reconciling Colonial Memories in Korea and Japan // Asian Perspective. — 2007. — Vol. 31. — No. 1. — P. 61—91. URL: <https://www.questia.com/read/1P3-1995204011/reconciling-colonial-memories-in-korea-and-japan> (дата обращения: 31.07.2015).

⁷ Внешняя политика Японии: история и современность / под ред. Э.В. Молодяковой. — М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 154—155.

⁸ Togo K. Op. Cit. P. 168.

⁹ Сэнго годзю: сю:нэн но сю:сэн кинэнби ни ататтэ (иваюру мураяма данва) (Заявление премьер-министра Мураямы по случаю 50-летней годовщины окончания Второй мировой войны). URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/07/dmu_0815.html (дата обращения: 31.07.2015).

¹⁰ Togo K. Op. Cit. P. 171.

¹¹ Нихон то канкоку но ке:до: сэнгэн, нидзю:ити сэйки ни мукэта аратана нихон то канкоку но па:тона:сиппу (Совместная декларация Японии и Южной Кореи, новое сотрудничество Японии и Южной Кореи в XXI веке). URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPKR/19981008.DIJ.html> (дата обращения: 31.07.2015).

¹² Green, M.J. Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. — NY: Palgrave, 2001. — P. 97.

¹³ Нидзю:ити сэйки ни мукэта аратана нихон то канкоку но па:тона:сиппу но тамэ но ко:до: кэйкаку (План действия для нового сотрудничества Японии и Южной Кореи в XXI веке). URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPKR/19981008.OIJ.html> (дата обращения: 31.07.2015).

¹⁴ Внешняя политика Японии: история и современность... С. 157.

¹⁵ Kim Hosup. The Role of Political Leadership in the Formation of Korea-Japan Relations in the Post-Cold War Era // Asian Perspective. — 2011. — Vol. 35. — No. 1. — P. 111—134. URL: <https://www.questia.com/read/1P3-2349530321/the-role-of-political-leadership-in-the-formation> (дата обращения: 31.07.2015).

¹⁶ Гайко: сэйсе хэйсэй дзю:ити нэнбан (Дипломатическая синья книга, 2000). URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/00/1st/bk00_1.html#1-3-2 (дата обращения: 31.07.2015).

¹⁷ Нихон но бо:эки айтэ коку топпу 50 (Топ 50 торговых партнеров Японии). URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/japan/stats/trade/excel/rank_top50_99-14.xls (дата обращения: 11.11.2015).

¹⁸ Нихон но куни/ тиики бэцу тайгай текусэцу то:си (Японские прямые иностранные инвестиции по странам/ регионам). URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/japan/stats/fdi/data/fdi_outward.xls (дата обращения: 11.11.2015).

¹⁹ Внешняя политика Японии: история и современность.. С. 157.

²⁰ Kim Hosup. Op. Cit.

²¹ Togo K. Op. cit. P. 176.

²² Berger T.U. The Politics Of Memory In Japanese Foreign Relations // Japan in International Politics / ed. by T.U. Berger, M.M. Mochizuki, J. Tsuchiyama. — Boulder, 2007. — P. 198.

²³ Kim Hosup. Op. Cit.

²⁴ Ku Yangmo. International Reconciliation in the Postwar Era, 1945—2005: A Comparative Study of Japan-Rok and Franco-German Relations // Asian Perspective. — 2008. — Vol. 32. — No. 3. — P. 5—37. URL: <https://www.questia.com/read/1P3-1995207931/international-reconciliation-in-the-postwar-era-1945-2005> (дата обращения: 31.07.2015).

²⁵ Berger T.U. Op. Cit. P. 199.

²⁶ Гайко: сэйсе хэйсэй сан нэнбан (Дипломатическая синья книга, 1992). URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1992/h04-3-1.htm#f9> (дата обращения: 31.07.2015).

²⁷ Treaty on Basic Relations between Japan and the Republic of Korea 1965. URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19650622.T1E.html> (дата обращения: 31.07.2015).

²⁸ Павлятенко В.Н. Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века. — М.: МАКС Пресс, 2003. С. 192.

²⁹ Agreed Framework between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea. URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19941021.O1E.html> (дата обращения: 31.07.2015).

³⁰ Rust M. Deming. The Politics of North Korea in Japan. — Stanford, 2009. — P. 6. URL: http://iis-db.stanford.edu/evnts/5288/The_Politics_of_North_Korea_in_Japan.pdf (дата обращения: 31.07.2015).

³¹ Ibidem.

³² Togo K. Op. Cit. P. 188.

³³ Rust M. Deming. Op. Cit. P. 6.

³⁴ Samuels R.J. Kidnapping Politics in East Asia // The Journal of East Asian Affairs. — 2010. — Vol. 10. — No. 3. — P. 368.

³⁵ Rust M. Deming. Op. Cit. P. 7.

³⁶ Нитте: сюно: кайдан го но кия кайкэн (Пресс-конференция после встречи глав государств Японии и КНДР). URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPKR/20020917.O1J.html> (дата обращения: 31.07.2015).

³⁷ Rust M. Op. Cit. P. 6.

³⁸ Togo K. Op. Cit. P. 191.

³⁹ Нитте: сюно: кайдан го но коидзуми со:ри дайздзин кия кайкэн (Пресс-конференция премьер-министра Коидзуми после встречи глав государств Японии и КНДР). URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPKR/20040522.O1J.html> (дата обращения: 31.07.2015).

⁴⁰ Togo K. Op. Cit. P. 192.

⁴¹ Ibidem.

Информация об авторах

1. **Марова Полина Андреевна** — 4 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: germaniaveli4ia@gmail.com
2. **Колнин Илья Сергеевич** — 1 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: iskolnin@edu.hse.ru
3. **Арачева Мария Владимировна** — 2 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: marfainthebox19950405@mail.ru
4. **Беляева Анастасия Викторовна** — 4 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ
5. **Кацнельсон Галина Сергеевна** — 1 курс магистратуры Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: linakaz@mail.ru
6. **Пинягина Наталья Александровна** — 4 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ
7. **Потаева Анна Дмитриевна** — 4 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: annapotaeva@mail.ru
8. **Прокофьева Вера Алексеевна** — 2 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: vera-harmful@yandex.ru
9. **Ткаченко Екатерина Александровна** — 3 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: eatkachenko@edu.hse.ru
10. **Хохлова Алина Александровна** — 3 курс бакалавриата Школы востоковедения НИУ ВШЭ,
e-mail: khokhlova.alina@gmail.com

ВОСТОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Сборник студенческих работ

Выпуск 2

Компьютерная верстка *Е. Конова*

Формат 60 × 90/16.

Заказ № 5613.

ООО «Адвансед солюшнз»

119071, г. Москва, Ленинский пр-т, 19, стр. 1